

И. СТРИЖАЧЕНКО

Подвиг
черноморца
Гухова

I 690430

КРЫМЗДАТ
СИМФЕРОПОЛЬ
1959

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Глава первая. Комсомольская линия	3
Глава вторая. Путь на мостик	9
Глава третья. Призвание	14
Глава четвертая. Подвиг на фарватере	20
Глава пятая. В штормовом море	27
Глава шестая. У стен родного города	33
Глава седьмая. В потоке страдания	40
Глава восьмая. Воспитание мужества	49
Глава девятая. За счастье Родины	56
Глава десятая. Ночь боевого прорыва	64
Глава одиннадцатая. На Керчь	71
Глава двенадцатая. Последняя атака	81

Илья Авраамович Стрижаченко

ПОДВИГ ЧЕРНОМОРЦА ГЛУХОВА

Редактор Н. Доломино.

Оформление художника Н. Бортникова.

Художественный редактор И. Литвинов.

Технический редактор Н. Исупова.

Корректор Л. Коваленко.

БЯ 00034. Объем 3,94 п. л. +1 вклейка, 3,69 уч.-изд. л. Формат бумаги 70×108²/₃₂. Тираж 29000 экз. Сдано в производство 21-1-1959 г. Подписано к печати 4-III-1959 г. Крымоблтиполитография, г. Симферополь, ул. Кирова, 23. Заказ 221. Цена 2 р. 15 к.

Глава первая
КОМСОМОЛЬСКАЯ ЛИНИЯ

Паровоз замедлил ход. Из теплушек торопливо выпрыгивали «мешочники», мелкие «дельцы», спекулянты. Все они боялись обысков, дрожали от одной мысли о «заградилровке» и поэтому еще до остановки поезда старались скрыть свои следы в лабиринте вокзальных путей.

Мальчик, увлеченный нервными пассажирами, то-

ропливо схватил свою котомку и также выпрыгнул из вагона.

— Не спеши, Митя! Неровен час — потеряешься...

Мальчик обернулся, и светло-голубые пытливые глаза смело взглянули из-под белесых бровей на догонявшего брата.

— Отчего же потеряюсь? Не маленький...

— Питер, брат, не Хмелина...

Два паренька, приехавшие из деревни Хмелина в Петроград в поисках хлеба, были сыновьями Ульяны Ивановны Глухой. Младшему — Дмитрию — в то время исполнилось всего четырнадцать лет. Был он роста малого, но коренаст и крепок в ногах.

Деревенька Хмелина упряталась в расщелинах овражка, внизу которого поблескивала речушка, делившая деревню на две части. Вокруг раскинулись лесистые да болотистые просторы. До ближайшего городка Череповца насчитывали двадцать верст.

Говорили, что это не так уж далеко, да что толку от того: городок не мог дать работы малоземельным крестьянам окружных сел, не могла прокормить голодавших бедняков и тощая земля. Многие жители Хмелины уходили на отхожие промыслы в Череповец, а кто побойчее — в Петроград.

Когда-то в Питер хаживал и отец Дмитрия, бывали там и их родственники — братья, дяди. Один из них поселился в Петрограде и стал мастеровым. Вспомнила о нем мать, когда в избе исчезла последняя щепоть муки, а в подполье не осталось ни картофелины, ни брюквины.

— Поезжайте, детки, к дяде Григорию. Он в Питере. Живет хорошо. Поклонитесь в ноги, авось по-

может. — Так напутствуя сыновей, Ульяна Глухова и впрямь думала, что Григорий поможет.

Думали так и ребята. С верой в близкое счастье, с надеждой на дядину помощь выбежали они на огромную привокзальную площадь.

Был 1920 год, третий год Советской власти. В Петрограде еще остро чувствовалось дыхание гражданской войны. На Невском проспекте часто встречались красноармейцы в островерхих буденовских шлемах, в кожаных куртках, в шинелях. Матросы, развернув бушлаты, чтобы были видны полосатые тельняшки, с гордостью проходили, опоясанные пулевыми лентами. Многолюдные очереди толпились у продовольственных магазинов, у хлебных ларьков.

Петроград голодал. Рабочие получали четверть фунта хлеба на душу. Братья Глуховы хотя и нашли своего дядю, но увидели, что помощи от него вряд ли можно ждать.

Рабочий с Выборгской стороны, Григорий Глухов помог деревенским парням только тем, что ввел их в рабочую семью металлистов. И это была самая большая, самая надежная помощь. Ребята не «потерялись» в большом, незнакомом городе, а сразу попали в верные руки питерских рабочих, в партийную, большевистскую семью.

Дмитрий Глухов — скромный, спокойный, не по летам серьезный паренек, привлек к себе внимание комсомольских руководителей. Секретарь комсомольского комитета часто говорил с юношей, наблюдая, как тот сноровисто осваивал ремесло слесаря.

— Хорошим мастером будешь...— заметил как-то он.

— Буду? А почему знаешь?

— Ловко молотком бьешь. Умело пилу в руках держишь. Сразу видно рабочую закваску.

— Из крестьян я. И отец и дед крестьянствовали. Где уж рабочей закваске быть?

— Тружениками были и твой отец и дед. Неправда ли?

— А что ж? Правда...

— А таким труженикам-беднякам по пути только с рабочими. Смекаешь?

— Потому и оказался на заводе. Смекаю!

Секретарь рассказывал о Великой Октябрьской революции, в которой участвовали рабочие их завода, о гражданской войне, о борьбе с Юденичем, против которого ходили в бой красногвардейские отряды Выборгской стороны.

— И я ходил! — не без гордости сказал комсомольский вожак. — С матросами бок о бок до самого Ямбурга гнали беляков.

Как зачарованный слушал эти рассказы Митя Глухов, и порой чувство зависти шевелилось в его сердце оттого, что не ему довелось гнать беляков до самого Ямбурга.

— Эх, жаль, что меня там не было!

— А что бы ты сделал?..

— Я бы этих белых гадов еще дальше гнал.

Так в беседах с комсомольским руководителем вскоре определилось политическое лицо юного Глухова. У него была пылкая натура, горячая душа. Несмотря на кажущееся спокойствие, он всегда горячо брался за дело. И его сверстники по цеху с любовью наблюдали за умелой и спорой работой паренька.

Вскоре в жизни Дмитрия произошло большое и радостное событие. Заводские комсомольцы приняли

его в свои ряды. Получив комсомольский билет, Дмитрий почувствовал большую ответственность за дела родного завода, за дела всего коллектива. Он проявлял незаурядные способности организатора. Комсомольская организация по разверстке губкома послала Глухова учиться в партийную школу на комсомольское отделение.

Два года учебы в партийной школе дали Дмитрию хорошую политическую закалку. Школа воспитала в нем глубокую верность Советской отчизне, Коммунистической партии, вооружила его теорией большевизма.

В 1922 году партия и комсомол направляют Глухова в Среднюю Азию. В ту пору иностранная интервенция и гражданская война в России закончились. Американско-английские империалисты—главные организаторы крестового похода против Советской республики — потерпели поражение. Однако они пытались взять реванш путем различных авантур. Одним из таких авантюристических актов было контрреволюционное националистическое выступление кулачества и помещиков в Средней Азии, организованное и руководимое английской «Интеллидженс-сервис».

Восставших кулаков и бандитов называли басмачами. Это были злые противники Советской власти, поддерживаемые английскими империалистами. Они чинили жесточайшие надругательства над населением городов и сел, над коммунистами и советскими патриотами.

Басмачи срывали нормальную жизнь целых районов республики. Надо было покончить с врагами. Предстояла нелегкая борьба.

Банды басмачей снабжались англичанами через

Афганистан. Империалисты не жалели ни денег, ни средств для того, чтобы нанести ущерб нашей Родине, опустошить советскую землю, уничтожить советских людей. Подстрекаемые англичанами, банды басмачей совершали налеты на пограничные районы и после своих гнусных деяний трусливо убегали за границу, боясь сурового возмездия народа.

В пограничных войсках для борьбы против басмачества создавались подвижные отряды из опытных, волевых пограничников, способных преодолевать любые препятствия — пустыни, горы, жару — и преследовать врага до полного уничтожения.

В один из таких отрядов был послан и Дмитрий Глухов.

Стойкий боец-пограничник мужественно переносил лишения походной жизни, участвовал в многочисленных схватках, в поисках врага и в перестрелке, в рукопашных сражениях и в преследованиях. Все это научило Глухова спокойно воспринимать свист пуль, мужественно переносить боль ран. Дважды Дмитрий был ранен в ноги. Подлечившись, Глухов вновь возвращался в строй и вновь с увлечением отдавался опасной борьбе, показывая примеры отваги и смелости.

В этих битвах закалялся его характер, определялись черты воина-патриота: беззаветная преданность Родине, решительность, стойкость, мужество.

Шесть долгих лет прожил он в Средней Азии, непрерывно находясь в боевой обстановке, ежедневно и ежечасно рискуя жизнью во имя безопасности Советской Родины.

В 1928 году Глухова, по воле партии, направляю на Черноморский флот как отлично подготовленного командира и политически закаленного бойца.

Его послали в учебный отряд Черноморского флота, а затем — в дивизион малых охотников. К тому времени Глухов твердо определил линию своей жизни. Это была линия борьбы за укрепление Советского государства. Для многих юношей того времени — это была комсомольская линия.

— Я начал свою жизнь по-настоящему после вступления в комсомол, — говорил он друзьям. — И поэтому учеба и служба — все это комсомольская линия. Моя жизнь принадлежит большевистской партии. И я готов отдать ее за дело партии.

Обычно же молчаливый и сосредоточенный, он не любил о себе говорить.

Скромность и сердечность снискали ему глубокое уважение товарищей по службе и командиров. В тихом и внешне заурядном моряке командование увидело сильную, волевою натуру. И это качество было оценено по достоинству.

Глава вторая

ПУТЬ НА МОСТИК

Более десяти лет прослужил Глухов на кораблях Черноморского флота. Он служил рулевым на крейсере «Коминтерн», старшиной рулевых катера «Альбатрос», боцманом и, наконец, помощником командира. Плавал «Альбатрос» много: сопровождал эскадру в походах, нес ночные дозоры, буксировал в море щиты — мишени для артиллерийских стрельб.

Моряки на «Альбатросе» изучали военно-мор-

ское дело. Особенным старанием в учебе и глубиной знаний отличался Дмитрий Глухов.

Дмитрий любил море. В его сердце навсегда вошли ласковые, задушевные слова, сказанные старым боцманом, когда Глухов только начинал службу во флоте:

— Будет из тебя, Дмитрий, хороший, истинный моряк. Знаешь, друг, еще адмирал Макаров говорил, что кто любит море, тот на корабле — дома, а на берегу — в гостях.

— Такую пословицу я слышал.

— А об адмирале Макарове слышал?

В те годы Глухов еще мало знал о знаменитом адмирале. Но желание узнать о человеке, которого с таким уважением назвал седой боцман, овладело Глуховым. Он пошел в библиотеку и попросил книгу о Макарове. За этой книгой прочел другую — о Нахимове. А потом, пристрастившись к чтению, без книг не мог уже обходиться. Читал политическую литературу, книжки по морской практике, по сигналопроизводству, изучал моторы, хотя и не был мотористом, изучал артиллерийские системы, материальную часть пулеметов, торпедных аппаратов.

Всеми его поступками руководила неутолимая жажда к новым знаниям. И неудивительно, что среди старшин-катерников он слыл наиболее грамотным и подготовленным моряком.

Бскоре на зачетных стрельбах он показал отличные знания по артиллерийской специальности, и его назначили старшиной группы комендоров.

До 1938 года Дмитрий Глухов в совершенстве овладел почти десятью флотскими специальностями. Такой человек особенно дорог на флоте. А если он лю-

бит море и флотскую службу, если он душой предан Родине, то ему все пути открываются к самому высокому государственному посту—к командирскому мостику.

Старшину Глухова вызвал к себе командир дивизиона катеров, где он служил, и сказал:

— Что ж, товарищ главный старшина. Пора вам двигаться вперед. Учиться пошлем.

— Есть, учиться!

— На командные курсы пойдете. Командиром корабля будете.

Такая мысль не приходила Глухову. Быть командиром корабля, руководить людьми, вести послушный боевой корабль в море — высокая честь, о которой он даже не мечтал.

Чтобы стать командиром, нужно было окончить военно-морское училище. Туда обычно поступают молодые люди со средним образованием. Дмитрий не успел окончить средней школы. Его школой была служба в пограничных отрядах и на флоте.

Теперь же, когда командир предлагал ему идти на учебу, Дмитрий с радостью согласился, хотя знал, что ему будет очень трудно.

Учеба на курсах оказалась действительно нелегким делом. Нужно было усвоить сложные военно-морские науки, о которых Дмитрий имел лишь смутное представление. Астрономия, навигация, артиллерия, минно-торпедное дело, морская практика открыли моряку новый мир знаний. То, что было добыто в течение долгих лет на практике и самообразованием, теперь получило новое освещение.

Пытливый моряк не жалел сил для овладения наукой. Дни и ночи просиживал он в классах за книга-

ми, стремился добыть побольше знаний, необходимых флотскому командиру.

Курсы он закончил в числе первых, получил звание лейтенанта и назначение на должность командира звена сторожевых катеров.

Командовать кораблем и одновременно подразделением — сложное, ответственное дело. Оно требует отличных знаний командира, его достоинств как руководителя и воспитателя.

И в самом деле, если раньше главному старшине были подчинены лишь рядовые матросы его отделения, то теперь Глухов отвечал и за офицеров группы кораблей, и за старшин, и за весь личный состав. Он был обязан учить их военно-морскому делу, воспитывать в духе беззаветной преданности воинскому долгу, в духе верности Коммунистической партии и Советскому государству.

В соединении Дмитрия Андреевича стали в шутку называть «вывозным дядькой». К нему в звено посылали самых молодых лейтенантов, и Глухов настойчиво, умело прививал им командирские знания, «выводил» на мостик.

Вначале помощником к нему назначили младшего лейтенанта Петра Чеслера. Воспитанник Антона Семеновича Макаренко, Чеслер вырос и созрел в трудовой коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, описанной в знаменитой книге «Педагогическая поэма». Он был небольшого роста, крепок и среди штангистов легчайшего веса считался чемпионом. Еще на курсах он сдружился с Дмитрием Андреевичем Глуховым — опытейшим моряком, строгим, взыскательным наставником, и относился к нему с нескрываемой любовью и уважением.

В 1940 году Черноморский флот пополнился новыми катерами — «охотниками». Это были удивительно красивые и мореходные корабли.

— Гордись, Петр! Нас назначают на лучшие катера! — говорил Глухов своему ученику.

— Горжусь, Дмитрий Андреевич. Только с вами бы. Иначе я плавать не смогу. Опыта маловато.

— Подучишься.

Одним из наиболее ответственных маневров является швартовка корабля. Умело рассчитать ход и вовремя погасить инерцию движения—большое искусство. И не всякий командир доверит малоопытному помощнику швартовку.

Но Глухов доверял. Поставит бывало Чеслера на мостик у телеграфа и скажет:

— Швартуйтесь! — А сам уходит с мостика.

Находясь на баке, он внимательно следит за каждым движением, за каждым звонком машинного телеграфа. Стоит ученику совершить незначительную ошибку — командир тотчас же появляется на мостике, спокойный, внимательный. Он решительно поправляет помощника и при этом объясняет, почему нужно так сделать, а не иначе, к чему может привести допущенная ошибка.

Так Глухов плавал до войны. Он стал опытным воспитателем, к его голосу прислушивались, у него учились. Чеслер и Кулешев, Попов и Баженов, Трофименко и Москалюк, Бычков, Черняк и многие другие командиры кораблей почерпнули у Глухова немало полезного для себя. А в годы войны учились у него бить врага без промаха.

ПРИЗВАНИЕ

В субботу 21 июня 1941 года подразделение Глухова вступило в суточное дежурство. Для матросов в субботу обычно предоставляется увольнение. Но личному составу дежурных кораблей нельзя сходить на берег: корабли должны быть в боевой готовности. Поэтому все матросы, старшины и офицеры находились на своих постах.

Вечер выдался тихий, спокойный. В зеркальной глади моря отражались ласково мерцающие звезды, и чайки, лениво взмахивая крыльями, садились на воду. Вся природа предвещала ясный, солнечный день.

Никто в Севастополе не знал, не предвидел, что это уходили последние минуты мирной, спокойной, радостной жизни. Катера соединения были в сборе. Алые вымпелы, едва колеблемые вечерним ветерком, то лениво свисали на мачтах, то легко, беззвучно трепетали.

Последний раз корабли соединения мирно стояли борт о борт, словно родные братья в отчем доме. И моряки дежурного звена, зорко неся вахту, с любовью и нежностью вглядывались в очертания знакомых кораблей, родных берегов.

В кают-компаниях и кубриках свободные от вахт катерники забивали «морского козла», иные сосредоточенно думали над замысловатыми шахматными комбинациями. Кто читал книгу, кто дописывал последнюю строку письма о флотской жизни, о любви о своих замыслах.

Ночью, когда матросы соседних кораблей вернулись из увольнения, когда отзвенели полуночные склянки, колокола громкого боя оповестили о боевой тревоге. В небе взрвели моторы неизвестных самолетов. Взметнулись острые лучи прожекторов, загрохотали орудийные выстрелы зениток. Глухой рокот авиационных моторов, неожиданно ворвавшийся в мирное советское небо, объявил начало войны.

— Продолжение учения... — говорили слишком спокойные, доверчивые товарищи. — Ведь накануне эскадра только вернулась с учений.

А когда трассирующие снаряды зениток прочертили темное небо, многие моряки успокоительно объясняли друг другу:

— Учение с фактическим применением огня...

Внезапный взрыв на Приморском бульваре потряс весь город. Взрывная волна высадила витрины магазинов, окна домов. Зазвенело битое стекло. Взрвели тревожные гудки на заводах. Город, еще несколько минут назад сверкавший в зареве огней, погрузился во мрак.

— Следить за самолетами! — приказал Глухов. Он был уже на мостике и четко, спокойно отдавал распоряжения. В ночной мгле Глухов все же заметил, как от самолетов отделились огромные черные предметы на парашютах и беззвучно упали в бухту. Вначале казалось, что в море падают парашютисты, но потом это предположение отпало.

— Пеленгуйте место падения. Мины! — сказал Глухов и стал подсчитывать количество упавших в воду мин. Его наблюдения были точными. Спокойно и как всегда уверенно следил он за морем и воздухом.

Прожекторы, неистово чертя лучами небо, нащупали неизвестный вражеский самолет. И все явственно рассмотрели фашистские опознавательные знаки.

Это поразило моряков сильнее, чем грохот разорвавшейся на Приморском бульваре мины. Черные кресты на крыльях, свастика на хвостовом оперении, конструкция самолета — все выдало внезапных «гостей».

— Фашисты! Гитлеровцы!.. — пронеслось по кораблям. Стало понятно, что Германия, вероломно нарушив договор, недавно заключенный с СССР, напала на Советский Союз.

— Вот и конец мирному житью... — прошептал Глухов. — Будем воевать!

Он тотчас же послал донесение командиру соединения о замеченных минах, сброшенных противником с самолетов. Оно было кратким, точным и деловым. В нем говорилось о времени, месте и количестве зафиксированных мин.

Утром 22 июня 1941 года радио разнесло по всему миру трагическую весть о том, что без объявления войны германские войска напали на Советский Союз, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбардировке со своих самолетов города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и другие.

Когда советский народ слушал правительственное сообщение по радио, на черноморском театре уже полным ходом шли боевые действия.

В Севастополе артиллеристы зенитной батареи лейтенанта Зернова в 3 часа 40 минут сбили первый фашистский самолет. Днем 22 июня над Измаилом летчик лейтенант Максимов в воздушном бою уничтожил еще одного стервятника.

С первых часов войны вступили в боевые действия и черноморские катерники.

Утром поступил приказ: «Дежурному звену катеров «МО» произвести траление бухты, обнаружить и уничтожить вражеские мины, сброшенные с самолетов». Указывались координаты, где предположительно находились мины.

О конструкции мин ничего не говорилось. Специалисты в штабе полагали, что это обычные якорные мины. Тележки их упали на дно, и мины всплыли на заданную глубину и закрыли фарватер. Достаточно пройтись с тралом, подсесть минрепы, и мины, как тыквы, всплывут на поверхность. Так думали специалисты...

Но это было лишь предположение. Истинное решение сложного вопроса должна была дать разведка.

Утром катера «МО» вышли на траление. Тщательно протралив указанный район, катера мин не обнаружили. Тогда стало очевидным, что мины не простые, а магнитные, а может быть, и акустические.

Выход из Севастополя был закрыт. Надо обеспечить выход, срочно открыть бухту кораблям. Мелкие суда — буксиры, шлюпки, катера — все же ходили в районе минного поля. Предполагалось, что не для них эти мины сброшены, значит, не им их взрывать... И вдруг крошечный буксир, прошедший в этом месте, подорвался и затонул.

Неожиданный несчастный случай внес ясность в обстановку: мины взрываются после того, как над ними пройдет несколько кораблей. Но после какого по счету корабля они взрываются? Этого никто не знал.

После гибели буксира движение на рейде прекратилось.

«...Наступает твой черед, Дмитрий...» — думал про себя Глухов. Он уже твердо решил идти на рискованное дело: подрывать мины своим катером. «Если мины взрываются от прохождения над ними корабля, то они взорвутся и от катера. Но мы можем избежать гибели, благодаря скорости. Мы уйдем от взрыва!» — думал он.

Глухов созвал матросов и старшин и тихо сказал:

— Комсомольцы! Моряки! Наш долг, наше призвание — защищать Родину от врага. Враг пришел на порог нашего дома. Мы обязаны его изгнать. Мины, которые лежат у входа в бухту, это — враг. Мы должны их уничтожить. Пойдем ли мы смело и отважно на эту операцию?

Экипаж, состоявший в большинстве из комсомольцев, заверил командира, что выполнит свой долг, выполнит военную присягу.

— От вашего имени доложу командующему о готовности корабля идти на боевое траление. Помните, друзья, отныне нам нет возвращения к мирной жизни, пока враг не будет уничтожен. Служить Родине верно — вот наше призвание, и мы его с честью выполним.

В голосе командира звучали искренность, задушевность, и каждый, кто его слушал, проникался глубокой верой и готов был идти за Глуховым на смерть, на самопожертвование ради любимой Родины.

На другой день Дмитрий Андреевич получил задание — проверить, действительно ли мины взрываются от шума винтов. Катер вышел на фарватер, где

развевались красные флажки на буйках, выставленных гидрографами и предупреждавших, что здесь — мины.

Катер Глухова уверенно мчался к опасности. За ним следили с постов наблюдения, с мостиков кораблей. Десятки биноклей провожали стремительно мчащийся катер, экипаж которого — горстка моряков-героев смело шла навстречу смерти. Моторы работали на полную мощность.

Неожиданно грохот моторов был заглушен взрывом огромной силы. Столб воды взметнулся к небу и, подобно смерчу, застыл в высоте, закрыв катер от взора наблюдателей.

— Погиб?! — воскликнул один из офицеров, находившихся на вышке наблюдательного поста штаба флота, куда поднялись командующий флотом, начальник штаба и ряд офицеров.

— Рано хороните... — строго сказал командующий. Он уже разглядел за черным водяным смерчем быстро мчавшийся катер. Наконец столб воды, поднятый со дна бухты взрывом, рассыпался радужным дождем и открыл невредимый катер.

— Запросите, есть ли на катере раненые? Не нужна ли помощь? — приказал командующий.

Тотчас на вышке взметнулись флажки сигнальщика. На всех кораблях эскадры прочитали этот семафор. И все с волнением ждали, что ответит катер.

На мостике катера гордо стоял сигнальщик и, взмахивая флажками, передавал:

— В помощи не нуждаюсь. Иду подрывать следующую мину. Старший лейтенант Глухов.

— ...Глухов!

— ...Глухов!.. — пронеслось на мостиках кораблей. В тот же день имя Глухова стало известно всему флоту.

— Кто он? — спрашивали молодые лейтенанты у старших офицеров. И хотя его лично мало кто знал, но все отвечали:

— Отважный, смелый, настоящий моряк!

Глава четвертая

ПОДВИГ НА ФАРВАТЕРЕ

Катер дерзко мчался к буйкам с флагами, и мины взрывались за его кормой. Взметались многотонные столбы воды. Однако не все фашистские мины взрывались. Иные буйки продолжали стоять, и флажки на них даже не трепетали в безветрии солнечного дня.

Глухов стопорил катер и вновь запускал моторы, но мины молчали. Тогда решено было подорвать их глубинными бомбами. На полном ходу, при грохоте всех моторов промчался катер над буйком и сбросил бомбы. И вдруг корабль подбросило вверх. Толчок был настолько сильный, что почти все стоявшие на палубе попадали. От невероятного сотрясения сработали огнетушители «минимаксы». Кислотной пеной обдало многих матросов и старшин. Но никто не вышел из строя. Герои-моряки еще бодрее и энергичнее взялись за дело: ведь «секрет» мин был почти раскрыт. Взрыв показал, почему молчат мины.

Вечером Глухова вызвали в штаб флота. Там он пробыл более четырех часов. Вернулся в полночь. Вызвал комсорга.

— Завтра на рассвете выйдем «донки» подрывать,—тихо сказал он.—Перед выходом проведем собрание.

Рано утром личный состав катера собрался по приказанию командира. Глухов, открывая собрание, кратко изложил обстановку и приказ командующего:

— Нам поручено огромной важности дело. На дне бухты притаились вражеские мины. Мы уже взорвали часть из них, но то была самая легкая работа. Теперь предстоит сделать то, чего никто еще не делал. Будем взрывами глубинных бомб детонировать мины и взрывать их. Скрывать не буду, мы идем на опасное и трудное дело. Мы должны очистить фарватер и обезопасить путь кораблям. Думаю, что каждый из нас выполнит свой долг. Пусть лучше погибнет наш маленький катер, чем будут подрываться большие боевые корабли. Кто боится идти на эту боевую операцию, — может остаться на берегу.

Но разве мог кто-либо остаться на берегу? Никто из членов героического экипажа даже и мысли такой не допускал.

— В ответ на слова командира, — сказал комсомолец Полетаев, — мы будем еще тверже стоять на своих боевых постах, как этого требует наша славная Коммунистическая партия, как этого требует советский народ.

— Мы будем до последнего дыхания защищать свободу и независимость любимой социалистической Отчизны, — заявил коммунист Харламов, — не пожалеем, дорогие товарищи, ни крови, ни жизни своей для победы над проклятыми фашистскими людоедами.

Накануне, во время первого взрыва мины был контужен командир отделения радистов старшина 2 статьи Силин. Дивизионный врач направил его в амбулаторию, и утром ему предстояло уйти с корабля. Но Силин, превозмогая боль, встал и сказал:

— Я останусь на корабле. Пусть никто даже не подумает, что наш экипаж дрогнул перед трудным испытанием. Ни один человек не сойдет со своего поста...

После собрания командир сразу же вывел катер на рейд. Однако с какой же мины начинать? По предположениям штаба флота, на фарватере их осталось не более пяти штук. И Глухов решил начать с тех, над которыми меньше всего проходили корабли, чтобы не нарваться с первого же галса на взрыв.

Катер, набрав огромную скорость, пронесся мимо двух буйков, лежавших на одной линии. И не случайно Глухов взял разбег. Только скорость могла спасти катер от гибели. Чем длиннее корабль, чем медленнее он идет, тем больше угрожает ему мина, и, наоборот, чем короче корабль и чем быстрее проносится он над миной, тем больше его неуязвимость.

Глухов хорошо это понимал и развивал ход до самого полного. Взбудораженная вода клокотала за кормой катера, над бухтой стоял рев моторов.

Командир стоял на мостике, широко расставив ноги. В крепко стиснутых зубах была зажата давно угасшая трубка. Неуловимая, едва заметная улыбка скользила в одном уголку сжатого рта. И лишь рулевой старшина 2 статьи Козлов, хорошо зная командира, понимал, что Дмитрий Андреевич волнуется. Его выдавали едва заметные росинки пота, мелко покрывавшие обветренный лоб.

Десять раз с ревом пронесся катер над буйками, сбрасывая бомбы. Но проклятая мина не взрывалась. И только после одиннадцатого галса прогрехотал сильный взрыв. Волна так подбросила катер, что никто не смог устоять на ногах. Но, быстро оправившись, матросы вновь заняли свои посты. Почти все оглохли. Объяснялись жестами.

Вторая мина взорвалась после четырнадцатого захода. Вихрь воды взметнулся сразу же за кормой, обдав всех стоявших на палубе.

Оставалось еще три мины. Но ходить по бухте было уже трудно и опасно. Вздыбленная взрывами вода играла, словно в хороший шторм, тормозя ход корабля.

— Прибавить оборотов! — скомандовал Глухов в машинное отделение, а Козлову жестом указал направление на мину.

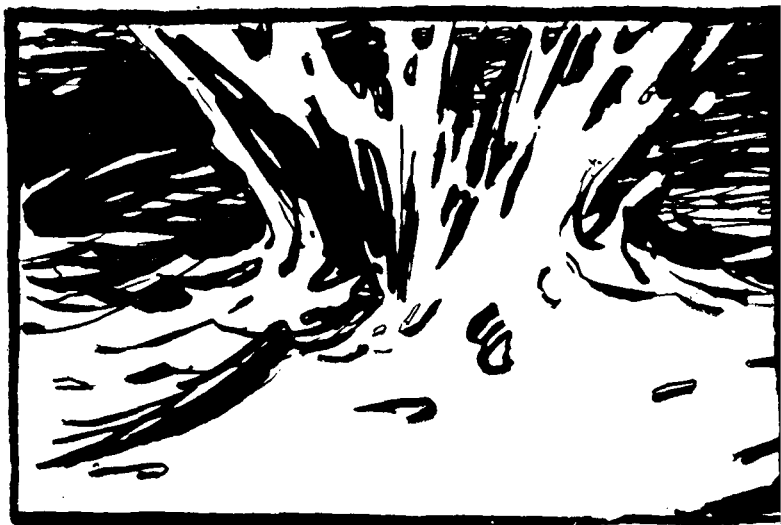
— Спокойней, Козлов. Не волнуйтесь. На нас смотрят со всех вышек. Все бинокли устремлены сюда.

— Так точно. Не сомневаюсь. В случае чего — подберут: штабные катера приготовились вылавливать людей... — Рулевой был так же спокоен, как и его командир, а сдержанное волнение умел хранить глубоко в груди, не показывая его никому.

Очередная мина взорвалась на пятом галсе. Пятеро бойцов получили контузии. Сорвавшийся компас выбил сигнальщику зубы. Матроса пришлось заметить. На пост заступил комсомолец Сергеев.

Оставалось еще две мины. Они были сброшены в стороне и стояли почти вместе. Видимо, над ними еще ни один корабль не проходил. Глухов вновь пошел на бомбометание.

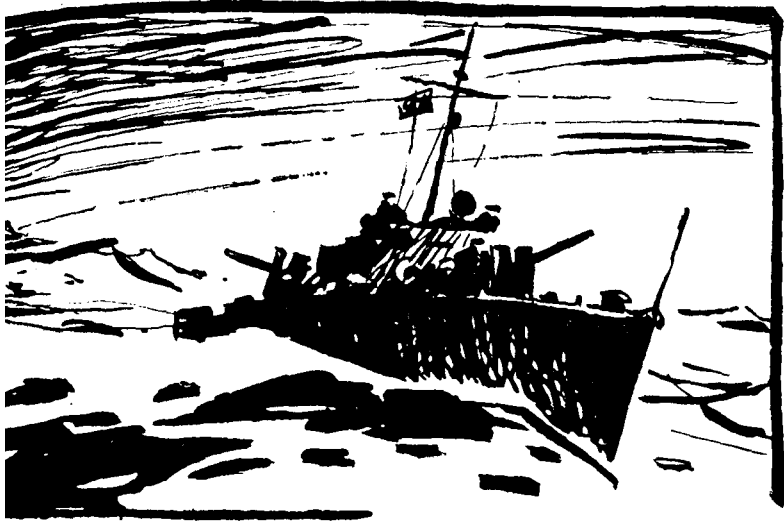
Двадцать раз прошел экипаж катера над минами.

Двадцать раз моряки крошечного корабля смело смотрели смерти в глаза, но мины словно онемели. Закралось сомнение: есть ли там они, не ошибочно ли поставлены буйки?

Из штаба передали семафор: «Не желает ли командир сделать перерыв?» Глухов ответил коротко: «Нет необходимости».

В другое время такой ответ сочли бы, пожалуй, за бестактность. Но теперь на форму ответа не обратили внимания: все видели неугасимый порыв к победе и стремление выполнить приказ немедленно и точно.

В двадцать первый галс унесся катер. И вдруг в кипящей струе за кормой взлетел столб воды. Нос катера глубоко зарылся в воду. Волна захлестнула мостик. Через секунду раздался второй взрыв справа. Катер почти встал на дыбы, потом свалился на борт и беспомощно завертелся, словно раненый боевой конь.

Над бухтой прогрехотало эхо, и два водяных смерча повисли над катером. Глухов и Козлов, поднятые могущественной силой взрывной волны, взлетели на воздух и внезапно оказались в волнах. Помощник командира, сигнальщик упали на палубу.

Моторы на катере заглохли. Вода хлынула через открытый люк в машинный отсек, в кубрик и командирскую каюту. Всплыли одеяла, обмундирование.

Однако катер не затонул. Он стойко держался на плаву, и флаг его гордо развевался на гафеле, символизируя первую победу над врагом.

Глухов быстро оправился от вынужденного падения в воду. Рулевой тотчас же занял свой пост. Всю заработали ручные помпы, выкачивая воду из отсеков. Вскоре удалось пустить один мотор. И когда к борту подошла «каэмка» из штаба, Глухов как всегда спокойно доложил старшему офицеру:

— Тяжело раненных нет. Фарватер полностью очищен от мин. К берегу дойдем своим ходом!..

Одиннадцать мин подорвал отважный экипаж. Матросы и старшины бесстрашно выполняли свой долг. Подвиг на фарватере, совершенный Глуховым и его экипажем в первые дни войны, вошел в славную летопись героических дел черноморцев и стал примером доблести, бесстрашия, мужества и геройства.

На одном моторе катер пошел в свою родную Стрелецкую бухту. И везде на мачтах кораблей взлетали сигнальные флаги, приветствуя победителей.

На берегу Стрелецкой бухты Глухова встретил командующий флотом. Он обнял отважного моряка и трижды расцеловал его. Тут же он приказал представить весь экипаж к правительственным наградам.

Через несколько дней на груди Дмитрия Глухова засверкал первый орден Красного Знамени, а все матросы и старшины были награждены орденами Красной Звезды.

Глава пятая

В ШТОРМОВОМ МОРЕ

Гитлеровское командование имело намерение закрыть Черноморский флот в Севастопольской бухте. Для этого фашистские самолеты сбросили мины у входа в бухту, для этого они совершили ряд бомбовых ударов. Но авантюристический план фашистских захватчиков потерпел крах в первый же день. Тактика врага была быстро разгадана.

После уничтожения мин на фарватере Севастопольской бухты наши минеры начали разрабатывать новые методы борьбы с магнитноакустическими минами. Черноморские тральщики непрерывно бороздили море, выискивая и уничтожая мины врага.

Фашистам ни разу нигде за все время войны не удалось закупорить советские корабли. Они гордо ходили по всему Черному морю и были его хозяевами.

Моряки-черноморцы смело, дерзко и все в больших масштабах наносили ошеломляющие удары по врагу.

Навсегда останется в истории Великой Отечественной войны смелая и дерзкая набеговая операция кораблей, совершенная в конце июня, на главную вражескую базу на Черном море — Констанцу. Разведкой было установлено, что в Констанце сосредоточились немецко-фашистские суда, и удар кораблей Черноморского флота по вражеским судам был уничтожающим.

Командир немецкой береговой батареи «Тирпитц» в Констанце об этом сокрушительном ударе совет-

ских кораблей в своем журнале боевых действий писал, что атака русских эсминцев против побережья была произведена с исключительной смелостью.

Удар черноморской эскадры был началом той широкой борьбы, которую осуществил флот в целом против вражеского тыла.

• В те дни большой эффективности достигли черноморские летчики. Особенно меткими были удары прославленных черноморских летчиков Цурцумия и Шубикова. Они не раз бомбили Черноводский мост через Дунай, надолго прерывая сообщение между Констанцей и Бухарестом, бомбили гитлеровские корабли, разрушали нефтепровод. Черноморцы первыми нанесли удар по Плоешти — важнейшей нефтяной базе противника.

Каждый вылет советских самолетов в далекие боевые рейсы требовал хорошо продуманного обеспечения. Летчикам приходилось лететь над морем, встречаться с фашистской истребительной авиацией. И поэтому, кроме самолетов, прикрывавших отважных бомбардировщиков, посылались в море катера. Небольшие суда выходили в открытое море и, оставаясь там часто по нескольку дней, патрулировали по морским просторам, наблюдая за перелетами бомбардировщиков.

Это были первые дальние походы катеров. И для их обеспечения выходили в море наиболее опытные командиры.

На катере «СК-031», которым командовал молодой офицер Осадчий, обеспечивающим вышел Дмитрий Глухов.

На море разыгрался свирепый шторм. Катер то

летел куда-то в бездну, то взмывал на гребень так высоко, что оголившиеся винты вращались в воздухе, создавая сильный шум. Мотористам приходилось сбавлять ход.

По палубе можно было передвигаться только ползком, держась за леерные стойки, за тумбы, за выступы. Бешеные удары вихрящей волны сбивали с ног самых сильных моряков. Никто не рисковал выйти на палубу, не привязав себя крепким концом к стойке. Беспокойная килевая и бортовая качка выматывала душу; катер терял устойчивость и вертелся, словно ореховая скорлупа.

Один за другим выбывали из строя матросы, старшины. К концу дня свалился с ног и лейтенант Осадчий. На мостике остался один Глухов. Он живым, острым взглядом окинул палубу и заметил, что несколько матросов, вымокших до последней нитки, стояли у своих боевых постов. «Эти выдержат, — подумал Глухов. — И других поднимут».

Глухов внимательно следил за ходом корабля, твердой рукой держал штурвал и внимательно следил за тем, как матросы откачивали из кубрика прибывавшую воду.

На вторые сутки шторм еще более расвирепел. На ногах осталось лишь несколько измученных, уставших до предела матросов, бесменно несших вахту. Лица их потемнели, осунулись. Движения стали вялыми, безразличными.

Видя это, Глухов решил подбодрить людей, заставить их забыть о качке, побороть в себе чувство безнадежности, подавить морскую болезнь...

Всех находившихся на верхней палубе он пригласил к себе на мостик. Побледневшие, с тусклыми гла-

зами, окружили они Глухова и ждали, что скажет им неутомимый командир.

— Замучила проклятая, — Глухов вытер мокрое лицо ладонью. И вдруг тепло улыбнулся: — А все-таки не к лицу нам, советским морякам, падать духом. Давайте споем, товарищи!

И первый начал срывающимся голосом песню:

Раскинулось море широко
У крымских родных берегов,
Живет Севастополь могучий,
Решимости полной готов.

Его поддержали матросы. Песня сначала была нестройной, слабой. Затем постепенно окрепла.

И грудь крепит Севастополь родной
Моряк, пехотинец и летчик,
У крепкой стены обороны стальной
Могилу находит налетчик.

Люди, лежавшие без движения, поднимались и, стыдясь своей слабости, начинали петь. Песня вливалась силы. Она, как птица, поднялась над бушующим морем, и громкие голоса заглушали рев пенящихся волн.

Мы холод и стужу видали в морях,
Мы свыклись с дождем и штормами,
Мы будем фашистов в боях истреблять
И знаем: победа за нами.

С песней матросы преодолели морскую болезнь. Их силы окрепли.

Так смело, друзья, в наш решительный бой,
Чтоб род весь людской мог воспрянуть,
Чтоб больше никто на родную страну
Не мог по-бандитски нагрязнуть.

Матросские песни Нахимов любил,
Народ помнит песни Чапая,
Споем же, друзья, пусть в боях прозвенит
Победоносная песня морская.

После этого беспрецедентного похода «морские эотники», раньше считавшиеся слабыми катерами, получили новое название: «победители морской стихии». Их стали посылать в конвойные операции по сопровождению транспортов на большие расстояния в любую погоду.

Много в те дни совершили походов катера под командованием Дмитрия Глухова. Первыми начав войну, они последними покидали Одессу, Очаков, Черноморск. Катера перевезли тысячи людей: пополнение — на фронт, эвакуированных и раненых — в тыл.

В героической обороне Одессы плечом к плечу с доблестными бойцами Приморской армии сражались и моряки-черноморцы. Особенно стойко и упорно сражался полк под командованием ветерана гражданской войны, бывшего балтийского минера, полковника Осипова.

Экипажи кораблей оказывали защитникам Одессы крепкую поддержку. Под надежной защитой флота доставлялись в Одессу подкрепления, боеприпасы. Много раз Глухов входил в Одесский порт, доставляя на своих катерах снаряды и людей. Сотни раненых, эвакуированных из Одессы, обязаны жизнью отважным морякам.

Катера под командованием Глухова в числе других судов Черноморского флота участвовали в известной высадке десанта возле Григорьевки, в тыл вражеских войск, окруживших Одессу. Моряки-десант-

ники нанесли по врагу ошеломляющий удар. Называя моряков черной смертью, фашисты в страхе и панике бросали оружие и бежали. Положение участников обороны Одессы было значительно облегчено.

Этот неожиданный удар по врагу смешал все карты противника. Фашисты потеряли 6000 человек. Тяжелая немецкая батарея, стрелявшая по Одессе, была захвачена моряками. Матрос Петренко написал на одной из пушек: «Она стреляла по Одессе, больше не будет».

Общая обстановка на фронтах, однако, не позволяла удерживать Одессу, и Верховное Главнокомандование отдало 30 сентября приказ об эвакуации Одессы. Две недели шла эвакуация, и противник ничего не знал об этом. Дни и ночи работал возглавляемый Глуховым дивизион на морской дороге между Одессой и Крымом. Защитники Одессы отходили организованно.

Перед отходом советское командование провело решительный короткий удар у деревни Дальник, разгромив два вражеских полка. Это окончательно смешало все карты противника. Фашистское командование решило, что советские войска будут зимовать в Одессе. Однако доблестные защитники Одессы 16 октября, погрузившись до последнего бойца на корабли, вышли в море. Глухов участвовал и в этой операции, уходя последним из Одесского порта. «Мы еще вернемся к тебе, Одесса», — шептали пересохшие губы моряков. И лица героев говорили — будет на нашей улице праздник!

Впереди предстояла тяжелая борьба — борьба за изгнание гитлеровских захватчиков с советской земли.

Глава шестая

У СТЕН РОДНОГО ГОРОДА

Во время героической обороны Севастополя мужественные катерники не раз совершали беспримерные подвиги во славу Советской Родины. В те дни каждый севастополец был героем, и поэтому подвиги катерников никого не удивляли. Лишь самые смелые, мужественные дела, достойные великой борьбы советского народа за свободу и независимость, становились достоянием всех воинов.

В апреле 1942 года в Стрелецкой бухте на одном из катеров подразделения Дмитрия Андреевича Глухова беспримерный подвиг совершил Иван Голубец.

...Противник обрушил шквал огня на Стрелецкую бухту. С пирса Иван Голубец заметил, что на одном из кораблей загорелись глубинные бомбы. Рядом стояли другие боевые корабли. Опасность нарастала с каждым мгновением. Мог произойти взрыв и тогда...

Быстро оценив обстановку, отважный моряк вскочил на палубу и стал сбрасывать за борт глубинные бомбы, лежавшие в стеллажах пылавшего катера. Раскаленные бомбы обжигали руки, глаза застилал едкий дым, горящие искры обсыпали и прожигали насквозь одежду, жгли тело, но моряк не сдавался. Наконец, у него в руках последняя бомба. И вот она — победа. Но в этот миг произошел взрыв. Иван Голубец погиб. Ценою своей жизни он спас своих товарищей, спас родные корабли.

Командир подразделения катеров Дмитрий Глухов нередко напоминал подчиненным об этом доблестном подвиге воина, подчеркивал смелость и безза-

ветную преданность героя-моряка Советской Родине.

В самоотверженной борьбе севастопольцев с каждым днем росли мужество и стойкость воинов. Моряки огнем корабельной артиллерии поддерживали сухопутный фронт. Нередко отряды моряков сходили с кораблей, чтобы вступить в отчаянную схватку с врагом на берегу.

Фашисты как огня боялись моряков. Появление черных бескозырок и полосатых тельняшек на переднем крае наводило страх и ужас на гитлеровцев.

Ежедневно к пристаням Севастопольской бухты швартовались транспорты с войсками, подходили боевые корабли и катера, груженные боезапасом. Не раз выгружали снаряды на севастопольский берег и катерники Глухова.

Дмитрий Андреевич не знал усталости. Только лицо его за последнее время потемнело да у губ залегли глубокие складки. Он сам всегда показывал пример трудолюбия. Нужно было — становился на разгрузку. Подбадривал матросов, зажигал своим огоньком.

— Поддадим жару фашистам! Дружнее за дело, товарищи. На чужую работу глядя, сыт не будешь!

Сдержанный и постоянно спокойный, он никогда не повышал голоса, не терялся при самых трудных и сложных положениях.

А в трудные минуты, когда фашисты обстреливали город, он вселял в матросов спокойствие.

— Пусть враги волнуются, — говорил он. — Им живыми не уйти отсюда. А мы на своей земле. В своем доме и стены помогают.

Фашистские заправилы гнали в бой новые свои полки и дивизии. Под стенами Севастополя была со-

средоточена мощная армия противника. Стремясь любой ценой овладеть городом, гитлеровцы продолжали зверские налеты, артиллерийские обстрелы. Каждый день они сбрасывали на город сотни бомб, артиллерия различных калибров вела методический обстрел.

Этими разбойничьими налетами фашисты разрушали школы, больницы, жилые дома, музеи, исторические памятники, кварталы красивого города превращались в горы камня и мусора. Но железная стойкость защитников делала Севастополь неприступным.

Разрушенный до основания, но не поверженный, он гордо возвышался над голубыми далями Черного моря. Население города ушло под землю. Люди и там продолжали крепить оборону, отдавая все свои силы и знания для борьбы с врагом. А мужественные воины самоотверженно отбивали атаки, истребляли ежедневно и ежечасно сотни и тысячи солдат и офицеров противника, уничтожали его технику.

За месяц беспримерной битвы противник потерял убитыми шестьдесят тысяч солдат и офицеров, было уничтожено более двухсот пятидесяти вражеских танков, до двухсот пятидесяти орудий, более трехсот самолётов. А за восемь месяцев битвы под стенами Севастополя враг потерял убитыми и ранеными триста тысяч солдат и офицеров.

Стало ясно, что гитлеровцы не сумели добиться своей цели: потеряв огромное количество войск, враг надолго завяз в Крыму.

Оборона Севастополя вошла в историю Великой Отечественной войны как одна из самых ярких ее страниц. Она обогатила героические традиции нашего

народа. Образ героев обороны вдохновлял воинов Советской Армии и флота на протяжении всей войны, служил примером самоотверженности и советского патриотизма, звал к подвигам в борьбе против ненавистных оккупантов.

Беспримерной отвагой и неутомимостью отличались в те дни катерники Глухова. Днем и ночью, находясь в походах и боях, катерники ни на минуту не забывали о своем долге, о военной присяге, о верности Отчизне и родной Коммунистической партии. О катерниках севастопольцы сложили легенды как о неуловимых, неуязвимых, бесстрашных моряках, всегда появлявшихся там, где враг их не ждал.

В последние часы обороны Севастополя Глухов привел из Новороссийска семь катеров «МО». Путь был тяжелым. Фашистская авиация с утра до темна бомбила их. На головной катер были сброшены сотни бомб. Осколками катер был весь изрешечен, почти вся верхняя команда вышла из строя. Глухов получил тяжелое ранение в лопатку и ключицу, но продолжал держаться на ногах, заменяя на мостике командира и рулевого.

В полночь катера подошли к Херсонесскому маяку. Маяк уже был разрушен, все постройки пылали. Вокруг вспыхивали разрывы вражеских снарядов. Тогда Глухов взял курс по направлению к берегу. Но там уже были враги. С берега доносились чужая речь и выстрелы. Пришлось уходить. Повернули в Камышевую. Но и там уже был противник. Тогда катера ушли в Казачью.

Однако войти в бухту не всем удалось. Пристань была разрушена ожесточенными бомбежками. Из воды торчали глыбы камней и железа. Глухов хотел бы-

ло подойти к барже, но, заглушив моторы, механик не мог их запустить. В воде стояли люди, ожидая спасенья. Началась посадка. Обессиленные раненые с трудом взбирались на катер. Многие подплывали к катеру с противоположного борта и взбирались на палубу, не считаясь с предупреждением командира. Вскоре людей набралось столько, что катер сел на мель и уже сам не мог сойти с места.

Глухову хотели помочь с других катеров. Он крикнул в мегафон командирам:

— Заберите людей с тридцать пятой батареи и, не мешкая, уходите!

После отхода катеров он собрал оставшихся в живых членов экипажа — их оказалось восемь человек. Двое были ранены.

— Надо спасти корабль, — сказал он.

Общими усилиями матросы очистили винты от водорослей и перед рассветом снялись с мели. Взяв на борт предельное количество людей, с трудом вышли из бухты. Катер последним покидал Севастополь, на его мостике стоял скромный, мужественный воин Дмитрий Глухов.

В открытом море пришлось двигаться в одиночку: другие корабли подразделения уже скрылись за горизонтом. Положение осложнялось и тем, что не хватало людей для обслуживания техники и оружия. Из верхней прислуги было лишь два пулеметчика. И все же командир катера не растерялся. Среди пассажиров он нашел людей, умеющих стрелять из пушки, и поставил их на места комендоров.

На рассвете катер был атакован фашистскими самолетами, которые открыли стрельбу из пулеметов и пушек. Убили пулеметчика, второго тяжело ранили.

Снаряд раздробил бензомагистраль. Заглохли моторы. Осколки разорвавшейся у борта бомбы тяжело ранили мотористов. Они вышли из строя. Действовать мог только легко раненный механик.

Глухов решил во что бы то ни стало спасти механика, иначе некому будет завести моторы. Он приказал ему взять конец троса и прыгнуть за борт, а во время пикирования вражеского самолета нырять под воду. Пассажирам приказал спуститься в кубрик. Оставшись один на верхней палубе, он отстреливался из пулеметов, отбивал атаки «мессершмиттов», приводя гитлеровцев в ярость. Но они все гуще и гуще стали налетать... Глухов решил перехитрить вражеских летчиков. Он спрятался за мостик, пусть, мол, подумают, что на катере никого не осталось...

Этот маневр удался. Один из самолетов снизился, и летчик, видя, что на катере не осталось ни одной живой души, выстрелил из пушки по мостику и улетел, увлекая за собой других «мессершмиттов». Осколки последнего снаряда поранили Глухову бедро. Кровь текла по ногам, но командир, не обращая внимания на свои раны, преодолевая боль, спешил на помощь механику.

Механик встревожился за жизнь командира. Поднявшись на палубу, он тут же перевязал Глухову ноги простыней прямо поверх брюк, принес на мостик нехитрый ужин — банку консервов и хлеб. Затем вдвоем они ввели в строй руль и мотор, выставили трех пассажиров наблюдателями и вновь легли на курс ост. Когда показывались вражеские самолеты, катер стопорил ход и все прятались.

Вражеские самолеты трижды подлетали к катеру, но уже не стреляли. Они, видимо, решили, что с ним

покончено. Но как только самолеты улетали, катер оживал и все дальше и дальше уходил на восток.

За день он прошел солидное расстояние. И уже ночью, в темноте, почти на траверзе Феодосии с катера заметили на горизонте два буруна. «Фашисты идут забирать катер», — подумал Глухов и, застопорив ход, решил драться до последней капли крови. Он зарядил пушки, повернул их в разные стороны, проверил наган и, вызвав механика, сказал:

— Я буду стрелять из пушки. А ты, если они приблизятся, бросай гранаты, в случае беды—взрывай бензобаки.

Немногим находившимся в сознании пассажирам они ничего не сказали, чтобы не вызвать среди них паники.

Корабли, шедшие навстречу, заметив на воде катер, дали опознавательный, но не получили ответа... Это были неизвестные Глухову сигналы.

Прогремело два залпа. Снаряды упали с перелетом. Корабли заходили с двух сторон. Глухов подбежал к пушке и, повернув ее в сторону одного из кораблей, стал целиться. Он уже приготовился стрелять, когда услышал оклик:

— Какой номер? — спрашивали с корабля по-русски.

Сердце захлестнуло радостью. Это были свои. Глухов назвал номер катера.

— Кто командир? — настойчиво допрашивали с корабля.

— Я командир, старший лейтенант Глухов.

— Дмитрий Андреевич! — обрадовались на катерах. — А мы думали, гитлеровцы. Не доглядишь

оком — заплатишь боком, — оправдывался кто-то на кораблях за свои предупредительные залпы.

Встретившие Глухова «морские охотники» были из одного же с ним соединения. Командиры радушно подняли Глухова на один из катеров и, узнав, что он тяжело ранен, уложили его в командирской каюте, перевязали раны.

— Теперь ты пассажир, изволь подчиняться.

...А на рассвете катера входили в Новороссийск, где их ждали новые сражения с врагом.

Глава седьмая

В ПОТОКЕ СТРАДАНИЯ

Стоял горячий июль. Второй год шла война, но, казалось, ей и конца не будет. Враг бросал огромные армии на Харьков, на Ростов. И еще непонятно было, как далеко он пойдет. Советские войска вели беспрерывные бои на крупнейшем фронте, протянувшимся от Баренцова моря до Ростова.

«Тысячи километров фронта! Выдержит ли страна?.. Хватит ли сил одолеть врага?.. Думаю, хватит... Гитлеровская авантюра лопнет. Это точно!» — думал Глухов, лежа в госпитале, весь забинтованный с головы до пят. Раны были более серьезные, чем он предполагал: две пули застряли под ключицей, была повреждена кость лопатки, осколки снарядов глубоко избороздили оба бедра.

Из новороссийского госпиталя, как только он туда прибыл, эвакуировали всех раненых в Невинномысск. В Новороссийске нельзя было оставаться и часу. Ежеминутно налетали вражеские самолеты,

бомбы непрерывно рвались, дома рушились, в городе возникло немало пожаров, в гавани затонуло несколько судов.

— Под Севастополем развязал себе руки проклятый гитлерюка: теперь лезет дальше, — говорили раненые.

— Как фюрер — фашистская гадюка не пыжится — будет ей ижица.

— А что союзники молчат?.. Почему не выступают?..

— Нужен ты им очень... Ждут, пока околеешь. Легко чужими руками жар загребать.

— Не может того быть. Они торжественно обещали оказать помощь.

— Обещала лисица не ходить в чужой курятник... Да когда волк пошел, так она свое обещание забыла.

— Думаешь, обманут?.

— Знаешь, дружище. Свинья в золотом ошейнике — всегда свинья. От империалистов нам помощи ждать нечего.

— Будем, товарищи, надеяться на свои силы. А сил у нас хватит. В истории не было такого, чтобы русский народ победили. А на этих новоиспеченных «друзей» нам полагаться нечего. Я глубоко уверен, что наши неудачи — временные. Мы еще будем гнать проклятых фашистов до самого Берлина и еще дальше.

Так разъяснял Глухов раненым бойцам положение на фронте. Его слова наполняли сердца бойцов верой в торжество победы, поднимали в них дух бодрости и силы.

Через несколько дней после этого разговора ночью в госпитале прозвучал сигнал боевой тревоги.

Госпиталь спешно эвакуировался. Враг ворвался на Кубань. Его самолеты бомбили станции, аэродромы, села и города. Тысячи, десятки тысяч людей бросились на вокзалы. Но поезда не шли. Пути были взорваны. Тяжело раненных грузили на машины, а те, кто мог хотя бы как-нибудь двигаться, шли сами...

Глухов уже мог с трудом передвигаться. Он уговорил товарищей по палате идти до следующей станции пешком.

Темной ночью вышло шесть раненых, одетых в больничные халаты. Кто шел на костылях, кто с палкой. Путь предстоял небольшой — всего двадцать километров. Но обессиленные бойцы ташились более суток: пройдут полкилометра и садятся отдыхать. Потом с огромным усилием воли вновь поднимаются и бредут...

На второй день к утру дошли до станции и сели в открытую платформу рабочего поезда. На следующей станции они догнали санитарный поезд и с помощью пассажиров перебрались в него.

Медленно, часами простаивая в пути, тащился санитарный поезд. Но и это счастье внезапно оборвалось. Налетели фашистские бомбардировщики и разбомбили паровоз и несколько головных вагонов. Глухов вновь собрал команду пешеходов и повел их вперед по шпалам... Ночевали в стогах сена, местные жители кормили их молоком, медом, на дорогу давали узелки с едой.

Так шли раненые несколько дней. Шли бойцы, офицеры, старики и дети, мирные жители, ведя за собой раненых бойцов. В Минеральных Водах ночевали прямо на бульваре; в городе уже не было ни госпиталя, ни санитарного управления... остано-

виться было негде да и незачем, остановиться — означало попасть в лапы врага...

Утром сели в последний поезд и доехали до станции Георгиевск. Дальше поезда не шли — пути были разбиты. Пришлось опять идти пешком. Страдания раненых бойцов в этот труднейший переход невозможно передать: их раны открылись, кровоточили, перевязать нигде не удавалось.

Кто-то предложил остановиться.

— Дальше идти нет мочи... Давайте остановимся. Передохнем. Подлечимся...

— И гитлерюке в лапы...

— Да что вы?.. Здесь люди советские: не выдадут.

— Нельзя отдыхать. Еще не время,—гневно сказал Глухов.

— Но ведь и идти нельзя...

— Можно. Не пойдете — пойду один, — резко ответил он. — Я хочу жить и воевать. А остановиться здесь — значит погибнуть. Какая польза от этого будет нашей стране? Один вред. Так не делай вреда: иди вперед!

Вечером шестеро опять вышли в путь, вдоль железнодорожного полотна. И народ с ними шел так густо, словно на праздничной демонстрации. Только вместо радостных песен — рыдания, вместо цветов — окровавленные повязки...

— ...Это как в «Железном потоке», — сказал один из спутников. — Там тоже люди шли.

— Шли. Да не так. Бодрости сколько было. И радости. Люди верили в победу. А здесь поток страдания.

— А в этом потоке страдания, как ты говоришь,— разве нет веры в победу? — зло спросил Глухов.

— Не знаю.

— А я знаю: есть вера! Иначе не шли бы!

Рядом с ними шла женщина с тремя детьми. Грудного она несла на руках, а двое малышей бежали за матерью, держась за подол. Женщина была молодая, красивая, но глубокая скорбь залегла в ее темных глазах.

Глухов взглянул на детей — они бежали, пальчики на ногах были разбиты до крови. «А мои где? — подумал он. — Живы ли? Не ведет ли их так же мать, убегая от проклятого врага?..»

Он ничего не знал о своей семье. В тяжелые дни обороны Севастополя, когда Глухов со своими катерами был в море, его жена и дети вместе с другими семьями военнослужащих были эвакуированы по приказу Военного Совета. Куда их увезли? Где поселили? Сперва было известно, что в Новороссийск, потом — в Геленджик. Потом поступили известия, что семья в Туапсе. И больше сведений он не имел.

Теперь, идя рядом с женщиной и детьми, Глухов до боли в сердце думал о своих малышах. Маленький белобрысый мальчуган чем-то напомнил ему сынишку. Глухов не мог равнодушно смотреть на детей. Забыв о кровоточащих ранах, он взял мальчика на руки, но нести было тяжело. Тогда он попросил товарищей посадить мальчугана ему на спину, под халат, подвязался потуже и понес его словно в мешке.

Так поступили и другие раненые. Они забрали у женщин детей и несли их пятнадцать километров.

Разве можно измерить глубину страданий, пережитых людьми в этом скорбном потоке? Когда людям казалось, что жизнь уже закреплена прочно, что

опасность миновала, внезапно раздавался грохот — рушилось все, и жизнь рушилась. А для других начались еще более тяжкие страдания, более трудные испытания. Какую выдержку, какую силу воли, какую верность своему народу, любовь к Родине нужно было иметь, чтобы в этом потоке найти место, найти дорогу, найти верный путь к победе!..

На полустанке Глухов усадил женщину с детьми в единственный пассажирский вагон, который был прицеплен в голове поезда, а сам с товарищами с трудом уместился на открытой платформе. Тысячи людей облепили поезд, на каждой платформе — более сотни пассажиров.

Ночью, когда поезд подошел к станции Прохладная, вновь налетели вражеские самолеты. Бомбы разрушили вокзал, паровоз и несколько вагонов.

Когда рассвело, Глухов пошел посмотреть на следы варварской бомбежки. Он увидел сотни убитых и раненых, обломки от вагонов, груды покореженного железа. Среди этого хаоса Глухов разыскал знакомую женщину. Он узнал лишь ее цветастое платье: несчастная мать и ее дети были изуродованы до неузнаваемости.

Стиснув до боли зубы и не проронив ни слова, Глухов пошел дальше.

Дни и ночи тащился он вдоль полотна железной дороги. На станции Грозный он, наконец, сел на поезд и добрался до Махачкалы, а оттуда в санитарном поезде его привезли в Тбилиси в армейский госпиталь.

— Теперь можете отдохнуть, полечиться... — сказал врач, выслушав историю его «путешествия».

Но Глухову не лежалось. В тот же день он узнал,

что фашисты подошли к Туапсе и появились на ближайшем перевале. Все силы Черноморского флота были брошены против вражеского прорыва. Трудно было сдерживать яростно рвавшегося врага. Это хорошо понимал Глухов даже без рассказов очевидцев. А в рассказах недостатка не было. С перевала ежедневно поступали новые раненые. Они своими глазами видели врага. Грудью сдерживали его под Туапсе.

— Я уже способен воевать. Отпустите меня на Черное море, — просил он.

Врачи осмотрели раны моряка и пришли к выводу, что ему нужно лежать месяц. Не меньше!

— Не могу я лежать столько, — умоляюще говорил он. — Да и нет необходимости. Я здоров. Почти здоров... Остальное поправит море.

Врачи начали совещаться. А Глухов слушал, и злая улыбка кривила его обескровленные губы. Наконец, высказалась женщина-врач, лечившая его:

— Боюсь, что Глухов сбежит... Я вижу по его глазам. Уж очень он тоскует по морю.

— Сбегу,—признался Дмитрий Андреевич.—Лучше отпустите без скандала. Я вам дам расписку, что отказываюсь от госпитального лечения.

— Что расписка? Вас лечить надо!

— На море я скорее выздоровею.

Его убежденность была так сильна, что даже скептически настроенные врачи поверили. Они отпустили его.

Путь лежал к морю. На попутных поездах и машинах он добрался до Батуми, а оттуда — в Потю. Был он и раздет и разут. На ногах шлепали госпитальные тапочки. В руках — суковатая палка. «В та-

ком виде только ворон пугать, — подумал он. — Сперва надо привести себя в надлежащий вид». Идя вдоль улицы, он прочел небольшую вывеску: «Военфлотторг». В полутемном кабинете, среди толпившихся женщин, едва увидел стол руководящего товарища.

— Просту садиться. Чем могу помочь?.. — обычные стандартные слова. Но Глухов рад был услышать и такие. Он рассказал, откуда прибыл и кто он.

— Какое совпадение! — воскликнул интендант.— Только пять минут назад здесь была ваша жена. Екатерина Ивановна, неправда ли?

— Где же она? Здесь?..

В толпе женщин, ожидавших приема, оказались соседки. Они сразу же повели Глухова домой.

Семья Глухова действительно находилась в городе. Вместе с другими семьями севастопольцев жена и дети Глухова «кочевали» вдоль Кавказского побережья, пока, наконец, не остановились в Потти. Встреча была радостная. Тем более, что это была первая встреча с начала войны.

Через несколько дней, приведя себя в порядок и отдохнув с дороги, Дмитрий Андреевич прибыл в родной дивизион, который базировался в соседней прибрежной деревушке — Хопи.

В командование дивизионом он не сразу вступил. Но, находясь среди своих любимых друзей и товарищей, Глухов с каждым днем становился крепче. Лицо покрылось здоровым румянцем, и глаза засверкали чистым огнем здоровья и силы.

— Так выходит, вы в госпитале почти не лежали? — спросил его дивизионный врач. — С тяжелыми

ранами и все время на ногах... Как вы могли решиться на такое путешествие?

— ...Пустяк. Человек может сделать значительно больше. Советский же человек во сто крат больше. Мы любим Родину и для нее не только здоровья — жизни не пожалеем.

Надо ли было говорить врачу, что, идя в потоке человеческого страдания, обогнув Кавказский хребет, омытый слезами и кровью миллионов людей, советский моряк Глухов закалил свое сердце, подготовил себя к любым испытаниям, к любым боям.

А новые бои были не за горами.

В сентябре Глухов принял дивизион и приступил к учебе личного состава и формированию экипажей. Он знал, что скоро наступят длительные, тяжелые бои и нужно быть к ним готовыми.

Глава восьмая

ВОСПИТАНИЕ МУЖЕСТВА

Сердце воина не могло быть спокойным, когда страна пылала в огне пожарищ, когда реки нашей земли наполнялись потоками слез и крови, а рыдания матерей и детей, стоны умирающих вызывали нестерпимую боль. Если бы собрать её воедино, она заглушила бы разрывы вражеских бомб!

— Не ждите чуда! — говорил Глухов подчиненным. — Победить мы должны силой, умением, мужеством. Враг коварен. Но действует он безграмотно и нахально. Мы победим его разумными, грамотными действиями. Учиться надо.

Учиться! И Дмитрий Андреевич с утра до ночи, а

порой и ночью учил людей. Твердое расписание занятий, четко сформулированные учебные боевые задачи, непрерывные тренировки и, наконец, сдача экзаменов, — все это удивляло, а порой раздражало некоторых не в меру горячих приверженцев «немедленной», «решительной» войны на море.

Были такие, которые, потеряв чувство трезвой оценки событий, хотели бы броситься на врага сразу, всеми силами, очертя голову. Но Глухов не принадлежал к таким. Созвав командиров катеров, он поставил перед ними учебные задачи.

— Сегодня будем изучать материальную часть, технику. Пулеметчики, комендоры будут сдавать зачеты на знание своего оружия, остальные должны знать винтовку, автомат, гранату; мотористы обязаны знать вверенные им машины и личное оружие. Рулевые, сигнальщики, акустики — все будут сдавать зачеты на знание своей специальности.

Вечером шел на катера и лично проверял каждого матроса и старшину. Малейшая ошибка в ответах, и комдив вновь приказывал изучать оружие, отрабатывать приемы стрельбы, взаимодействия срудийных расчетов.

Через неделю была назначена «генеральная» сдача задач. Утром на борт флагманского катера прибыл комдив со всеми дивизионными специалистами — минером, артиллеристом, механиком, связистом. На катере был и офицер из штаба соединения. По авралу катера снялись со швартовов и вышли в море.

Этот день учебы запомнился морякам так же твердо, как и любая боевая операция. Один из участников учения старшина 1 статьи Кузьменко рассказывает:

— На рассвете один из катеров вышел раньше всех и отбуксировал в море щит для стрельб. «Вот уж постреляем»,—говорили матросы. И действительно, как только мы вышли в море, сыграли «боевую». Началась стрельба по щиту. На сдачу задачи выходили поочередно. Стреляли отлично. Но это еще не все! Комдив приказал поставить тральные буи и по ним стрелять. Так что вы думаете? После второго выстрела от буя и следа не осталось. Тогда комдив улыбнулся и приказал сбросить ящик из-под боезапаса. «А ну, как пулеметчики работают?» — сказал он. Но и по ящику не удалось пострелять. Наш минер матрос Шошин первой очередью из пулемета перерезал ящик на две части. «Подходящая стрельба»,—сказал комдив. А уж если он похвалил, значит хорошо стреляли. Он даром слова на ветер не бросал.

По возвращении в базу капитан-лейтенант Глухов объявил всему личному составу благодарность. А на следующий день катера вышли на выполнение боевого задания — конвоировать транспорт, который шел с грузом для фронта.

Глухов устраивал экзамены не только по стрельбам, но и по швартовке. Причем, словно бы предвидя будущие события, требовал усложнения обстановки.

— На одном моторе входите и швартуйтесь.

— Залейте форпик водой. Пробоина. Дифферент на нос. Входите, швартуйтесь.

— Командир выбыл из строя. Старшина, швартуйтесь.

И так далее. Неожиданные вводные приучили моряков быть всегда начеку. Глухов искусственно создавал тяжелые препятствия: затоплял отсеки, устраивал пожары, выводил из строя рулевое управление.

И это было весьма необходимо. Назревали сильные бои.

В сентябре 1942 года фашисты ценой огромных потерь ворвались в Новороссийск. Моряки-черноморцы, сражаясь плечом к плечу с бойцами Советской Армии, яростно отстаивали каждую улицу, каждый переулок, каждый дом. Дрались упорно, стойко и задержали врага. У немцев хватило сил лишь на то, чтобы вытеснить нас из города, но дальше они не смогли продвинуться.

Цементный завод на окраине города они избрали опорным пунктом и, цепляясь за него, пытались удержать и Новороссийск. Советские войска навязывали им мучительную, тяжелую оборону.

Целый год гитлеровцы отсиживались в дотах и дзотах, укрепляли каждый дом, каждый выступ, окно, подвал. На чердаках, на вышках домов поставили пулеметы, на перекрестках улиц — пушки. И все же своей цели фашисты не достигли.

Гитлеровский генерал Маттенклотт кичливо хвастался перед своими офицерами, что Новороссийск станет главной базой гитлеровского флота на Черном море, что из Констанцы он переведет все корабли в Новороссийск и отсюда будет господствовать над морем. Но все это был бред хвастливого фашиста.

Целый год просидели немцы в Новороссийске, и за год ни одна немецкая шлюпка, ни один катер не вошли в порт. Черноморские артиллеристы зорко оберегали вход в бухту и не пускали туда гитлеровцев. Артиллеристов Матушенко и Солунова пехотинцы любовно прозвали «регулирующими уличного движения». Их меткие залпы не позволяли гитлеровцам

показываться на улицах. У убитого под Новороссийском немецкого солдата было найдено не отправленное им письмо к родным. «Невозможно представить, что тут делается, — писал перепуганный «вояка». — Столько страха от бомб... Мама моя и папа, что тут творится, — такая мука и нет выхода».

Гитлер вел на истребление свое незадачливое воинство. Упрямо, не видя неминуемой гибели, враги шли к катастрофе. Они еще цеплялись за камни Кавказского хребта, пытались наступать под Туапсе, но это были уже последние конвульсии.

Не только на сухопутном фронте, но и на море немецкие захватчики ощущали нарастающие удары советских войск и флота. Черноморские корабли и авиация активно действовали на вражеских коммуникациях. За три месяца — август, сентябрь, октябрь 1942 года — советские подводники потопили более двадцати кораблей противника, летчики уничтожили пять тральщиков, тринадцать сторожевых кораблей, четыре транспорта, шесть торпедных катеров, шесть мотоботов, девять быстроходных десантных барж. Морская дорога от крымских портов до Тамани стала для врага дорогой смерти.

Разгромив немецко-фашистские войска под Сталинградом, Советская Армия перешла к широкому наступлению. К весне 1943 года гитлеровцы оказались прижатыми к морю на Таманском полуострове.

Катера Глухова, наряду с другими кораблями, всю зиму активно участвовали в боях. Ходили в разведку, высаживали десанты. Глухов командовал отрядом «МО», который высаживал бойцов Цезаря Куникова на Малую землю в ночь с 3 на 4 февраля 1943 года.

Мысхако!... Кто не знает этот легендарный плацдарм, превращенный советскими моряками в неприступную крепость! Высаженный с катеров Глухова десант под командованием Цезаря Куникова три дня отбивал атаки врагов, уничтожив полторы тысячи гитлеровских солдат и офицеров, захватив девять орудий. Высадившиеся вслед за куниковцами две бригады морской пехоты закрепили плацдарм и зажали фашистов в Новороссийске в клещи.

Однако, чтобы эффективно выполнить эту задачу, десантники должны были получать подкрепление — людей, боеприпасы, продовольствие. Семь месяцев катера, сейнера, мотоботы Черноморского флота ежедневно снабжали десант на Мысхако всем необходимым для боя.

Десятки раз катера Глухова ходили на Малую землю и перевозили снаряды, продовольствие, забирали раненых. За героические, самоотверженные дела по высадке десанта на Мысхако и боевое обеспечение его первый дивизион катеров «МО» был награжден орденом Красного Знамени. Многие офицеры, старшины и матросы получили правительственные награды. На груди Глухова засверкал второй орден Красного Знамени.

Катера глуховского дивизиона подняли краснознаменные флаги. Это была высокая честь. На митинге по случаю получения дивизионом правительственной награды Глухов сказал:

— Партия большевиков и Советское правительство высоко оценили наши скромные заслуги перед Родиной. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1943 года говорится, что наш дивизион награжден орденом Красного Знамени за

образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество. Спасибо нашей родной партии за высокую оценку наших трудов. Высокую честь краснознаменного подразделения оправдаем еще большей сплоченностью вокруг партии и правительства, еще более самоотверженной борьбой по разгрому ненавистного врага!

Бои на море требуют исключительной стойкости и мужества, выносливости и морской выучки, дисциплинированности и организованности. Эти качества ежедневно воспитывал в личном составе комдив Глухов вместе со своим заместителем по политической части. Опираясь на коммунистов и комсомольцев, командир дивизиона воспитывал моряков в духе верности Родине. Исключительно скромный и требовательный к себе, Глухов порой даже приуменьшал заслуги дивизиона, лишь бы не породить зазнайства и кичливости.

А между тем дивизион уже в то время был одним из самых заслуженных боевых подразделений. Менее чем за два года катера первого дивизиона прошли около пятисот тысяч миль, расстояние, равное двадцати пяти кругосветным переходам. Боевых выходов было шесть с половиной тысяч, а участвовали в операциях сто раз. Дивизион отразил девятьсот сорок шесть воздушных налетов врага, сбросившего пять тысяч восемьсот двадцать шесть авиабомб на катера; при отражении вражеских налетов было сбито семнадцать самолетов противника. Катера участвовали в многочисленных высадках десантов и перевозили при этом одиннадцать тысяч бойцов, вывезли

из окружения три тысячи человек, отконвоировали две тысячи девятьсот двадцать семь транспортов, провели двести шестьдесят четыре боевых траления, уничтожив двести шестьдесят восемь вражеских мин. В морских боях потопили девять судов противника, в том числе подводную лодку. Более девяноста процентов личного состава получили правительственные награды, а многие награждены дважды.

Эти цифры — яркое свидетельство большого мастерства личного состава катеров и блестящей выучки офицеров.

Беспредельная преданность социалистической Родине, верность военной присяге — замечательные черты морального облика советских воинов. Не щадя своей жизни, советские воины защищали Отчизну. Боевой клич «Смерть фашистским захватчикам!» был слышен во всех уголках земли. Священный девиз «За нашу Советскую Родину!» поднимал миллионы людей на битву и приводил к победе.

Таковыми были и глуховцы. Руководимые смелым командиром, катерники шли в бой с верой в победу и достигали ее.

Глава девятая

ЗА СЧАСТЬЕ РОДИНЫ

Перед выходом в Новороссийск Глухов вместе со своими матросами, старшинами, офицерами дал клятву любимой Родине вернуться только с победой. Люди будущего с замиранием сердца и восхищением будут читать чудесные строки клятвы моряков и проникаться чувством гордости за славных сынов социа-

листического Отечества. В своем письме на имя командования катерники писали:

«Мы получили приказ высадиться десантом на берег, занятый противником, чтобы стремительным ударом разгромить и уничтожить врага. Идя в бой, клянемся, что будем действовать решительно и смело, не щадя жизни своей для достижения полного разгрома и уничтожения врага... Пока сердце бьется в груди матроса, а в жилах течет кровь, мы беспощадно будем громить проклятого врага, очищая нашу Родину от фашистской погани. Мы будем идти вперед и вперед. Волю свою, силы свои и кровь свою каплю за каплей отдадим за счастье нашего народа, за нашу любимую Советскую Родину.

Закон матросов — победа при любых условиях!
С именем Родины мы идем в наступление!

Мы победим!

Да здравствует наша победа!»

Свою клятву все моряки-катерники скрепляли подписями. Но то, что было на широком многочисленном митинге, еще не полностью выражало горячие чувства любви и преданности моряков Родине.

О беспредельной любви к Родине, о готовности служить ей до конца писали моряки в своих личных письмах командованию. Командир орудия старший матрос А. Барышев в своей клятве написал:

«Идя в бой, я, краснофлотец Алексей Барышев, клянусь перед Родиной, что при встрече с врагом отдам все силы, а если потребуется, и жизнь для полного разгрома врага. Я горю желанием как можно скорее встретиться с врагом и нанести ему такой удар, чтобы он понял, кто такие мы — черноморцы!»

А минер В. Шошин, так хорошо овладевший искусством пулеметчика, что первой очередью пора-жал цель, дал такую клятву:

«Я, краснофлотец Шошин Василий Семенович, идя в бой за освобождение Отчизны от ненавистно-го врага, клянусь драться по-черноморски, не зная предела ненависти к поработителям нашей счастли-вой Родины, и для освобождения наших городов и сел не пожалею жизни».

А вот слова клятвы старшины 1 статьи Крайни-кова:

«Родина, ты меня воспитала, так приказывай, я для тебя все сделаю, не жалея жизни, доро-гое Отечество, я готов отдать жизнь за изгнание врагов.

Твой сын—боцман старшина 1 статьи Крайни-ков».

В ночь боевого прорыва Глухов находился на головном катере «МО-081».

Он первым перед боем подписал слова клятвы Родине, а за ним—все офицеры, старшины и матро-сы. От глубины сердца, беспредельно любящего Родину, шли эти волнующие слова:

«...Перед личным составом нашего катера постав-лена почетная и сложная задача — освободить наши порты и города Черноморья.

Клянемся, что с честью выполним любое зада-ние матери-Родины, не запятнаем наш боевой Кра-снознаменный Флаг, завоеванный нами в боях за От-чизну.

Клянемся по-черноморски, по-севастопольски бить ненавистного противника, освобождая нашу землю.

Клянемся отдать все силы, всю энергию, а если потребуется, и жизнь за окончательную победу над озверелым фашизмом.

Вперед! На разгром немецко-фашистских захватчиков!»

Это было 8 сентября 1943 года.

Глухов, подписав клятву, тут же приказал:

— Всеми силами сохраните бортовые моторы в строю до подхода к пристани и высадки десанта.

— Есть! — ответили моряки.

Переходя с катера на катер, Глухов отдавал последние распоряжения, проверял готовность каждого агрегата. Он знал, что ему придется первым входить в Цемесскую бухту, первым высаживаться в Новороссийске. От успеха его высадки будет зависеть исход всей операции. Поэтому Дмитрий Андреевич заранее подготовился к прорыву. И готовился с особой тщательностью. Он и раньше знал каждый причал, каждую стенку порта. Но ведь за год хозяйничанья немцы могли и разрушить и изменить подходы к пристаням. Глухов выехал к цементному заводу — на передний край нашей обороны — и с наблюдательного поста долго изучал все изменения, происшедшие в порту за год.

Бухта казалась разинутой пастью кровожадного зверя. На углах зданий создали огневые точки, из окон домов торчали пулеметы. Глухов аккуратно нанес на карту каждый дот, очертил его красным карандашом, зарисовал проволочные заграждения и минные поля, проложил курсы подходов к пристаням, сообразуясь с местностью... Все это сделал он за один день до выхода.

В ночь перед выходом Глухов вместе с командо-

ванием десанта собрал командиров катеров, объяснил им во всех деталях обстановку в порту, сообщил порядок посадки десанта на корабли, перехода и высадки.

— Инициатива должна быть проявлена каждым в отдельности. Особенно в порту, — сказал он. — Помните, за нас никто не будет думать — сами, все сами...

Предупреждение было необходимым, хотя многие уже не первый раз уходили в десант. Катерники участвовали в Феодосийской операции. И тогда проявили себя блестяще.

И вот в полночь на 10 сентября «морские охотники», буксируя мотоботы и мотобаркасы, вышли из Геленджика в море. Ночь была тихой и безлунной. Вдали на переднем крае изредка чертили небо немецкие прожекторы. Армада малых судов вытянулась в несколько колонн. На головном катере—знаменитом «МО-081» находились Глухов и командир десантного отряда Ботылев. На палубе в темноте едва можно было различить бойцов, одетых в защитные гимнастерки. На головах у них были бескозырки, а из-под распахнутых воротников гимнастерок проглядывали полосатые тельняшки.

Люди зорко вглядывались в темноту, туда, где изредка вспыхивали зарницы прожекторов. Глухов ходил по палубе, смотрел на бойцов. Возбуждение моряков передалось и ему. Он заглянул в машинное отделение, на боевые посты.

Матросы стояли в чистой, праздничной форме. В поход все надели чистое белье и обмундирование первого срока.

«Хорошая традиция!.. — подумал Глухов. — И

наши деды так перед боем поступали. Великое, правое дело мы совершаем с чистой душой и внешним видом подчеркиваем торжественность справедливой битвы нашей...»

На мостике стоял командир катера. Он был также в парадной форме и при всех орденах и медалях.

Парторг катера старшина 1 статьи Кобец обходил посты и, беседуя с матросами, еще раз разъяснял каждому боевую задачу.

Катер шел полным ходом. Командиры, сигнальщики, наблюдатели зорко глядели во тьму. Небо стало заволакивать облаками.

— Хорошее время для высадки... — тихо сказал Глухов.

— Подходящее для гибели фашистов, — согласился Ботылев.

Больше они ничего не говорили. Катера подходили к исходному рубежу. По плану командования должна была начаться артподготовка. В точно назначенное время береговые батареи открыли шквальный огонь по Новороссийску. Над морем стоял рев сотен пролетающих снарядов.

Вражеские посты заметили приблизившиеся катера и открыли по ним огонь. Батареи врага начали яростную и беспорядочную канонаду. Красные маки взрывов вспыхивали то там, то тут.

— Полный вперед! — приказал Глухов.

— Слева снаряд!..

— Право на борт!.. — следует команда.

Рулевой Иванов кладет катер вправо. Гул канонады усиливается. Небо, исчерченное красными и зелеными пулеметными трассами, вспышками снарядов,

освещенное заревом начавшихся пожаров, кажется уже не темным, а оранжевым. Исчезли звезды... Дым и пламя окутали пристани. Все ориентиры, намеченные заранее, скрылись в дыму...

Но бой шел точно по плану. Дерзкий и смелый замысел осуществлялся, как было намечено. Высадку десанта нельзя было уже ничем остановить. Более ста вымпелов подошло к воротам гавани. Специальные катера подразделения офицера Проценко первыми прорвались к боковым заграждениям и разрушили их. Торпедные катера несколькими торпедами взорвали проходы к молу, разрушив укрепления врага и огневые точки на линии уреза воды. Путь был открыт.

Катер Глухова двинулся вперед. За ним шли остальные катера с десантом. Вдруг комдив заметил стальной трос, пересекавший фарватер. Срединка его провисла и затонула в воде, но не глубоко. Катер не мог пройти над ним.

— Эх, если бы водичку поднять!.. — воскликнул Глухов. И тут же нашел смелое и удивительно разумное решение задачи. Он приказал задним катерам подходить к тросу поочередно на полном ходу и, сразу застопорив ход, по инерции на высокой волне «перепрыгивать» трос. Первым перепрыгнул он сам и, благополучно вырвавшись на чистую воду гавани, пошел к пристани.

— Полный вперед! За мной, — крикнул Глухов. И катер рванулся вперед.

Комдив стоял во весь рост на мостике, бросая катер то вправо, то влево. Пули свистели над головой. Перед носом катера ежесекундно взрывались мины и снаряды. Но корабль настойчиво шел к цели.

— Машинное отделение поражено! — доложил

моторист. — Пробоина... Средний мотор и вспомогательные механизмы вышли из строя. Сквозь лопнувшие переборки в кормовые отсеки хлынула вода. Катер мог затонуть в любую минуту. Матросы «БЧ-5» героически боролись за его жизнь. Очнувшись от контузии, моторист схватил два пробковых мата, сунул их в отверстие пробоины и налег сверху.

Необходимо было спасти бортовые машины. Так приказал комдив: «Берегите бортовые моторы!»... А вода уже доходила до карбюраторов, и, казалось, через секунду они вместо воздуха засосут воду... захлебнется мотор... затонет катер.

Матросы понимали это отлично и всеми силами старались спасти моторы. Поступавшую воду откачивали, чем только могли, переборки задраили.

А тем временем на мостике звучала команда:
— Полный вперед!

Катер мчался к пристани. Оставалось не более сотни метров, но каких метров... Это было пространство между жизнью и смертью.

Хмурый, неприветливый берег стремительно на двигался... В ушах звенело. От пороха и гари было горько во рту. Бойцы десанта лежали на палубе и ждали приближения берега. Что сулила им эта земля? Смерть или победу? Засады, минные поля, черные дула вражеских пулеметов подстерегали их на каждом шагу, но они поклялись Родине идти вперед. Прочь сомнения! Впереди победа!..

Развернувшись, катер подошел к стенке в тот момент, когда корма его осела ниже ватерлинии. На берег сбросили сходню.

По трапу и прямо перепрыгивая через леера, на стенку сплошной массой ринулись моряки. Пристань

загудела под ногами матросов. Вот она, знакомая улица, обгаренные кровью камни мостовой! Вот он, наш, родной советский город.

— Полный вперед! — повторяя команду Глухова, крикнул капитан-лейтенант Ботылев.

И бойцы, сжав автоматы, ринулись за ним.

Глухов стоял на мостике разгоряченный и радостный. Главная задача была выполнена: все катера, мотоботы, баркасы высаживали десантников, а они уже действовали на берегу. Стучали пулеметы, автоматы, взрывались мины и гранаты. Потоки трасс, как кружево, переплетались в ночном небе, и слышался везде зычный матросский клич:

— Полундра-а-а! Смерть гадам!

— По огневым точкам противника огоны! — приказал Глухов.

Сила огня корабельных пушек присоединилась к общему удару. Пока мотористы заделывали пробойну, можно было осмотреться и оценить совершенный бросок в пасть разъяренного зверя. Да, это была невиданная по дерзости морская операция. И участником ее был Глухов. Он первым вошел в сильно укрепленный порт, первым высадил десант.

Глава десятая

НОЧЬ Боевого прорыва

В ту решающую ночь каждый моряк был проникнут единым стремлением — до конца выполнить боевой приказ командования, свой воинский долг перед Родиной.

Глухов, стоя на мостике, наблюдал за действиями

катерников. Каждый из них работал на своем боевом посту четко и безукоризненно, проявляя отвагу, мастерство, инициативу, сметку.

Прекрасные качества проявил старший лейтенант Баженов. При входе в бухту его катер также получил пробоину ниже ватерлинии, видимо, фашисты специально наставили в бухте ловушки. Но когда вода хлынула в носовые кубрики, а гитлеровцы открыли по катеру огонь, Баженов не растерялся. Он настойчиво шел к указанной цели: старопассажирской пристани.

Подошел, развернулся, закрепил швартовы. Десантники начали высаживаться. И вдруг обнаружили, что пристань совсем разбита и сойти на берег нельзя. Тогда Баженов снова забрал десантников на борт. А катер тем временем погружался в воду все глубже и глубже. Нос его уткнулся в воду, и волны гуляли по палубе.

Отважный командир взял на борт всех десантников и полным ходом пошел к угольной пристани. Это было разумное, смелое решение.

Заместитель Глухова по политической части капитан 3 ранга Косидлов умело поддерживал боевой наступательный дух моряков. Высадившись вместе с ними на берег, он крикнул:

— Вперед, матросы, за наш родной Новоросийск! За нашу Советскую Родину!

Десантники с ходу пошли в атаку на врага. На катерах остался лишь экипаж, самоотверженно борющийся за жизнь корабля. Нос катера все ниже оседал. Орудийный расчет старшины 1 статьи Немирича вел огонь по врагу, находясь по колени в воде.

Старшина группы мотористов Иван Караваев вместе со своими матросами откачивали воду, заделыва-

ли пробоину. Спустя некоторое время Караваяев доложил на мостик:

— Все в порядке! Будьте уверены, дойдем своим ходом...

Однако Баженову пришлось изменить тактику. Он приказал дать полный ход назад и так вышел из-под обстрела вражеских пушек. Задним ходом он вернулся и в свою базу.

Парторгу катера рулевому Павлу Астахову, бесшумно стоявшему за штурвалом много часов, впервые в жизни пришлось стоять спиной к штурвалу.

Об этом Глухов узнал впоследствии, но первые маневры у разбитой пристани комдив видел своими глазами и высоко оценил морские качества офицера Баженова.

Блестящие боевые качества показал личный состав катера, где командиром был старший лейтенант Трофименко. На вахте у машин стоял комсомолец Караккой. Фашистская пуля ранила его. Но пламенный патриот Родины и мысли не допускал об уходе с поста. О своем ранении он ничего не сказал ни товарищам, ни командиру, и все приказания с мостика выполнял точно. Истекая кровью, Караккой упал. И лежа выполнял приказания командира, обеспечивая катеру необходимые хода.

В эту ночь героического прорыва многие моряки дивизиона Глухова проявили храбрость и бесстрашие.

Сибирский металлист старшина 2 статьи Красиков, боцман с катера «СК-082», никогда в жизни не предполагал, что он будет выполнять роль тумбы, за которую крепятся швартовы. Но в ту ночь пришлось...

Когда катер подошел к берегу и его не на что было ошвартовать, а ветром все время отжимало его

от стенки, Красиков выскочил на пристань, взял два конца троса и, упершись ногами, держал катер в руках до конца выгрузки. Пули и осколки снарядов свистели рядом, но Красиков ничего не замечал.

— Бодрей, орлы, бодрей! — покрикивал он.—Опоздаете, фашисты разбегутся...

На палубе катера стоял парторг Сергей Новиков и из пулемета строчил по амбразуре дота, который немцы оборудовали на втором этаже дома.

— Ну как, Сережа? — спрашивал Красиков.

— Подходяще!.. Там две пулеметные точки...

— Ну, тебе не привыкать... По шести ударишь!

О подвигах Сергея Новикова, когда он был еще на Дунае, знали в дивизионе все. Он тогда один вел огонь против шести самолетов. Теперь боевая закалка парторга пригодилась. Меткий огонь Новикова привел к молчанию вражеские пулеметные гнезда.

Смелость проявил и личный состав катеров «СК-082», «СК-025».

Корабль «СК-025» был накрыт орудийными залпами вражеской батареи и вспыхнул. Катерники не растерялись. Они высадили десант и до последней минуты боролись за спасение корабля. Парторг катера Константин Сапожников и наводчик Терехов, стоя в пламени, продолжали вести огонь из орудия по вражескому дзоту.

Помощнику командира «СК-0141» лейтенанту Барбину снарядом оторвало руку. К нему подбежали капитан 3 ранга Косидлов и боцман Яковлев. Но раненый отстранил их и твердо заявил:

— Обо мне не беспокойтесь! Высаживайте десант!

Напряженный бой шел в пороховом дыму, в огне, среди громовых взрывов. Время боя исчислялось се-

кундами. В быстро меняющейся боевой обстановке трудно было ориентироваться, но катерники глуховского дивизиона показали себя в эту ночь, ночь великого прорыва, моряками высокого класса. В тесной бухте они искусно маневрировали и высаживали десанты в назначенных местах.

В военном словаре есть сухое и маловыразительное слово — операция. Но в эту ночь словом операция раскрывался весь смысл и все значения труднейшего замысла, осуществленного моряками.

Черноморцы зацепились за берег и начали очищать каждый дом, каждую улицу от врага. Они, как хирурги, оперировали каждый метр новороссийских улиц. Все попытки противника сбросить десантников в море ни к чему не привели — черноморцы крепко «ошвартовались» на новороссийском берегу.

— Теперь прочно держимся! — сказал громко Глухов, когда механик доложил ему, что пробоина заделана и катер к походу готов.

— Прочно держимся! И никто нас не столкнет!..

— Полный вперед! — катер Глухова спокойно развернулся и ушел в огневую ночь.

В этой операции все моряки выполнили клятву, данную партии, все заслужили благодарность Родины за подвиг, который они совершили.

Но бои еще продолжались. И катера шесть дней ходили в Новороссийск. Под ураганным огнем противника высаживали десанты, доставляли боезапасы, продовольствие. Шесть суток длилась борьба. И только к 16 сентября стала стихать стрельба, уменьшились бомбардировки.

16 сентября 1943 года Новороссийск был полностью очищен от врага. Немецко-фашистские орды в бес-

порядке бросились к переправам через Керченский пролив, оставляя технику и боезапасы. Не спасла гитлеровцев разрекламированная «голубая линия» — хваленый укрепленный вал на Таманском полуострове. Пришлось им бежать из-под Новороссийска.

Двадцатью победными залпами салютовала столица нашей родины — Москва славным воинам Советской Армии и морякам Черноморского Флота, участвовавшим в освобождении Новороссийска.

За выдающиеся боевые успехи Верховный Главнокомандующий объявил благодарность всем воинам армии и флота, участвовавшим в боях за Новороссийск, и приказал наградить особо отличившихся орденами, а подразделение наименовать «новороссийским».

Первый Краснознаменный дивизион «морских охотников» получил наименование «Новороссийского». А командир его Дмитрий Андреевич Глухов был награжден орденом Ленина и орденом Суворова третьей степени.

После взятия Новороссийска Военный совет Приморской армии прислал Дмитрию Андреевичу приветствие:

«Капитану 3 ранга Глухову.

Поздравляем Вас и руководимых Вами офицеров, сержантов, краснофлотцев с освобождением второй базы Черноморского флота — порта и города Новороссийска и присвоением Вашему дивизиону наименования — «Новороссийский».

Слава героям, показавшим образцы воинской доблести! Беспощадно громите и неотступно преследуйте вражеские войска, окончательно очищайте Кубань и Тамань от гитлеровской нечисти.

Вперед к победе!
Смерть немецким захватчикам!
Петров, Бирюков, Емельянов».

Глухов, скромный человек, чувствовал себя неловко в обстановке громкой славы, которая окружила его на второй день после освобождения Новороссийска. Военный совет впервые назвал его капитаном 3 ранга, хотя он носил еще погоны капитан-лейтенанта. Присвоение ему звания капитана 3 ранга было еще одной наградой.

В газетах появилось немало очерков, статей, заметок о заслугах Дмитрия Андреевича перед Родиной. Его везде называли черноморским героем — по радио и в газетах, в листовках и даже в киножурнале. Это могло кому-либо другому вскружить голову. Но не Глухову. Он остался таким же скромным. Так же, как и прежде, внимательно и чутко заботился о подчиненных, с тем же уважением относился к старшим.

— Какой я герой!.. — говорил он улыбаясь. — Вот Ботылев — это герой! Нам еще много надо работать, чтобы стать героями. — И опять начал торопить с ремонтом поврежденных катеров. Ежедневно посещал каждый катер. Следил не только за боевой подготовкой, но и требовал, чтобы люди отдохнули, он знал: впереди предстоят горячие бои, еще более дерзкие и смелые налеты на врага, чем в Новороссийске.

9 октября Советская Армия очистила всю Тамань от немецко-фашистских войск. Начинались бои за Крым. Летнее наступление 1943 года принесло нашей Армии крупнейшие успехи. И теперь надо было их закрепить и развить. В приказе Верховного Главнокомандующего от 7 ноября 1943 года отмечались эти замечательные победы: за время летней кампании на-

ши войска изгнали врага с левобережной Украины, из Донбасса, Тамани, Орловщины, Смоленщины, вступили в правобережную Украину, овладели столицей Советской Украины — Киевом, вступили в Белоруссию, заняли подступы к Крыму...

1 ноября части Советской Армии подошли к Чонгару и прорвались через Перекоп к Армянску. Одновременно бои шли на подступах к Херсону. Флот и войска с освобождением Тамани готовились к переправе через Керченский пролив.

Немецко-фашистские войска, засевшие в Крыму, оказались полностью отрезанными от суши.

— Вот теперь мы с ними считаемся... — говорили бойцы Приморской армии.

— За Севастополь и за Керчь воздадим по заслугам... — поддерживали друзей моряки.

Глава одиннадцатая

НА КЕРЧЬ

Крымский плацдарм для немецко-фашистских войск имел большое значение. Владея им, гитлеровцы могли стеснять действия Черноморского флота и постоянно угрожать нашей херсонской группировке. В Крыму засели значительные силы врага — общей численностью около 20 дивизий. Гитлер убеждал своих зояк драться за Крым до последнего человека. В своих истерических приказах он объявил Крым «неприступной немецкой крепостью».

Естественно, что изгнать гитлеровцев из Крыма можно было лишь хорошо подготовившись. И такая подготовка в войсках и во флоте велась гщательно и

продуманно. Готовилось к наступлению и подразделение Глухова. Правда, времени для этого было мало. После освобождения Новороссийска катерники участвовали в непрерывных боях по изгнанию врага с Тамани. Они высаживали десанты на Таманском полуострове в самых неожиданных местах, нарушали коммуникации отступающего противника. Почти две недели моряки не спали. Глухов, лишь изредка прикорнув на мостике на часик, вновь был на ногах. Глаза его воспалились от бессонницы и ветра. Лицо почернело. И голос огрубел.

— Что твой боцман!.. — шутил Глухов.

Один из тактических десантов должен был выса-

даться в районе Соленого озера. Предполагалось операцию произвести ночью.

«...Вот и замечательно! Хоть выплыву перед походом», — подумал Дмитрий Андреевич.

— Товарищ капитан 3 ранга! Вам радиограмма! — доложил дежурный. Это был вызов к адмиралу.

— Не будем ждать ночи, товарищ Глухов. Время не стоит...—сказал адмирал, когда Глухов к нему пришел. — Лучше бы высадиться днем. Как ваше мнение?

— Есть, днем!.. — ответил Глухов.

На совещании были и командиры других дивизионов, — Сипягин и Державин. Они также подтвердили

готовность к выступлению днем. Решено было выступить.

— Вот и отдохнули... — пошутил Глухов, выходя от адмирала.

А в полдень «морские охотники» уже шли на восток, буксируя за собой баркасы и мотоботы с десанниками. Справа однообразной песчаной лентой тянулись таманские берега. Катера шли в походном порядке, строго соблюдая свои места в строю.

На подходе к району Соленого озера их заметили береговые посты противника. Ударили немецкие пушки. Снаряды падали рядом с катерами, вздымая столбы воды, но катера не отворачивали и не рассыпались. Они уверенно шли вперед.

В воздухе появились «мессершмитты». Самолеты налетали на строй кораблей, пытаясь штурмовым ударом разогнать их, чтобы потом поодиночке расстрелять. Катерники встретили врага таким дружным защитным огнем, что фашисты поспешно убрались восвояси.

На траверзе Соленого озера катера вдруг применили такой маневр, что вызвали панику в лагере врага. Отдав буксирные концы, «морские охотники» повернули «все вдруг» и полным ходом помчались к берегу, поливая огнем из пушек и пулеметов береговые укрепления противника. Внезапное нападение ошарашило немцев. Они не смогли организовать оборону побережья, и советские десантные войска сравнительно легко высадились.

Через несколько дней, когда на Тамани не осталось ни одного гитлеровца, в газетах появилось описание боя в районе Соленого озера. Маневр, примененный катерниками, вызвал одобрение у всех черно-

морцев. Теперь на флоте трудно было найти офицера, старшину или матроса, который не слышал бы имени Глухова, не знал бы его подвигов.

Вновь печать заговорила о Глухове. Рассказы, очерки, статьи о подвигах, совершенных его подразделением, печатались на видных местах. Газеты рассказывали морякам о текущих боях и о прошлых операциях, проведенных Глуховым, но еще неизвестных читателям.

— От корреспондентов житья нет, — жаловался Глухов друзьям... — Осаждают везде. А времени нет.

— Пусть это вас не беспокоит. Так надо!.. Люди должны знать о войне правду.

— Согласен. Однако мемуары будем писать потом... после войны. А сейчас надо бить врага!

...В те дни моряки были уже у Керченского пролива. Вдали за голубой лентой воды синели скалистые берега родного Крыма.

— Разве можно в такие часы думать о чем-нибудь, кроме победы над врагом!? — Глухов мечтал о Севастополе, о Южной, Хрустальной бухтах, об Одессе, о далеком голубом Дунае.

Ему хотелось первым входить в освобождаемые порты, первым громить врага. И он мог это сделать. Не беспечные мечтания то были, а трезвый расчет опытного, умудренного опытом войны офицера, блестящего организатора, мастера военного дела. Крымское побережье Глухов хорошо знал. Ночью, без ориентиров, без навигационных огней, ощупью он мог войти в любой порт Крыма, в любую бухту.

После высадки десанта в районе Соленого озера катера глуховского дивизиона там и остались. Началась подготовка к броске на крымскую землю.

— Вот теперь мы рассчитаемся с фашистами, — говорили черноморцы. Дмитрий Андреевич дни и ночи следил за ремонтом и оборудованием катеров. Об отдыхе он и думать не смел, однако адмирал вызвал его и приказал отправиться к семье на два дня.

— Есть возможность. Отдохните. Побудьте с детьми и женой. Впереди еще долгие бои — неизвестно, когда вернемся...

Глухов примчался на быстроходном катере в Потн. Радостные минуты встречи с семьей взволновали его и даже расстроили. Дети — он так их любил, тосковал по ним — тянулись к нему, ласкались. Но время неумолимо шло и вот настали минуты расставания.

Екатерина Ивановна была верной подругой. Она гордилась им, понимала его с полуслова. На прощанье все же не удержалась:

— Не будь слишком горячим, Митя... у тебя сын и дочь... Береги себя...

Дмитрий Андреевич улыбнулся.

— Не волнуйся. Все будет хорошо.—И, помолчав, добавил: — Если что... — расскажи детям обо мне. Воспитай их честными...

...Глухов прилетел в дивизион, когда завершалась горячая подготовка: грузили боезапас, проверяли спасательные средства.

В ночь на 1 ноября 1943 года в море вышли шесть отрядов «морских охотников», на буксирах они вели мотоботы и сейнеры с десантными войсками. Корабли вышли из Анапы, Тамани, Соленого озера и других пунктов и начали сосредоточиваться в Керченском проливе, ориентируясь по створам, установленным на косе Тузла.

Видимость была плохой. Море штормило. Волнение достигало шести баллов. Вода заливала десантников (ноябрь давал себя чувствовать). Было холодно.

Командиры «охотников» едва различали соседние катера. А в темноте нужна была особая внимательность. Осторожно маневрируя, командиры занимали указанные места и с нетерпением ждали сигнала.

Вдруг берег Таманского полуострова осветился оранжевым пламенем. Загрохотали десятки тяжелых батарей. Над головами катерников с воем полетели на крымскую землю сотни снарядов. Берег противника покрылся ярко-желтыми вспышками разрывов. Кое-где возникли пожары.

Артиллерийский налет был внезапным и сильным. Фашисты не смогли сразу опомниться и долго не открывали огня. Тем временем лавина малых кораблей широким фронтом двинулась к Керченскому полуострову.

Во что бы то ни стало — высадиться! Зацепиться за крымскую землю! — Эта мысль повелительно вела в огонь, в смертельное сражение тысячи бойцов. А высадиться было нелегко: все восточное побережье Крымского полуострова фашисты опоясали густой сетью проволочных заграждений. Колючая паутина заграждений была установлена в воде в нескольких десятках метров до берега. На холмиках стояли батареи — минометные, артиллерийские. Все побережье было густо усеяно дотами, дзотами, прожекторными установками.

На всех фарватерах пролива, на подходах к берегу немцы установили минные заграждения — из контактных, акустических, магнитных и прочих противокорабельных мин.

Если учесть еще, что дальнобойная немецкая артиллерия простреливала весь пролив и что на пути катеров было много мелей, подводных банок, что там и тут лежали затонувшие суда, стеснявшие маневрирование, то станет понятной вся сложность и трудность десантной операции.

Катера с гребными баркасами, мотоботами и сейнерами на буксирах быстро пересекали пролив. За ними шли корабли группы прикрытия, подавлявшие огнем артиллерии наиболее опасные огневые точки врага.

Глухов шел впереди своего отряда на головном катере «СК-081». Он слышал, как рядом рвались якорные мины, видел гибель друзей, но ничто не могло его остановить. Не замедляя хода, он устремился к крымской земле, увлекая за собой мелкие катера с десантом.

Комдив верил в победу, верил в своих орлов-катерников. Ведь с ними он участвовал во многих сражениях, десятки раз высаживал десанты. Это были сплоченные, спаянные крепкой нерушимой дружбой моряки. За всю войну катер не имел ни одного поражения, ибо каждый матрос и старшина блестяще выполнял свой долг.

— Вперед, орлы, вперед, друзья! — крикнул Глухов матросам и сам, стоя на мостике, готов был вместе с ними прыгнуть в воду и идти на берег.

У побережья в пене прибоя показались колья и черная паутина колючей проволоки, свернутой спиралями.

— Бросай на проволоку бушлаты и шинели! — приказал Глухов.

Матросы с сейнеров и мотоботов точно выполняли приказ. Колую проволоку прикрыли матросские бушлаты. Моряки, прыгнув в воду, держали на своих спинах трапы, лишь бы скорей высадить десантников. Бойцы, сбегая по трапам и сходням, перепрыгивая на песчаные отмели, быстро растекались по расщелинам прибрежных камней. Огонь их автоматов нарастал с каждой секундой. Они вступили в бой за Керчь, за Крым, за родную советскую землю.

— Шагай, шагай в Крым! — кричали моряки, поддерживая трапы перед новыми группами десантников. Бодрый, напутственный зов вел бойцов в горячую схватку с врагом.

Крутая волна била корабли в корму. Их трудно было удержать. Несколько мотоботов и сейнеров выбросило на прибрежную гальку. Везде грохотали выстрелы — Керченский полуостров стал «огненной землей». Все побережье от Еникале до Эльтигена грохотало, пылало. Вспышки прожекторов вдруг освещали потрясающие картины ночного боя.

Захлебываясь в холодной воде, матросы и армейские артиллеристы на руках выносили пушки на берег, устанавливали и тут же в упор били по огневым точкам и по вражеским дзотам.

Группа катеров капитана 3 ранга Глухова произвела высадку десанта блестяще. Ни один катер не погиб, все бойцы высадились на берег.

Десантникам нелегко пришлось удерживать захваченный берег. Опомнившись от первого удара, немцы подтянули свежие силы и начали контратаки при поддержке танков. 1 ноября они 19 раз атаковали десант у Эльтигена, на следующий день — 12 раз. Бойцы подпускали вражеские танки на 50 метров и били их в

упор. Фашисты за несколько атак потеряли десятки машин.

Моряки показывали примеры героизма. Группа в составе сорока матросов под командованием главного старшины Закудряева захватила немецкую батарею, отбила несколько атак врага и удержала за собой важную позицию.

На одном из участков путь наступающим преграждало минное поле. Получилась заминка. Тогда медицинская сестра главный старшина Галина Петрова первой бросилась вперед через минное поле и повела за собой десантный отряд. За этот поистине мужественный подвиг Галине Петровой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Шесть суток Глухов ходил со своими катерами через пролив на крымскую землю, перебрасывая войска, боезапас, продовольствие, оружие. Дни и ночи он проводил в самых тяжелых боях, без отдыха, без сна. Зато утренние картины величественных боев, которые он видел и в которых участвовал, наполняли его сердце неизъяснимой радостью. Глухов был прирожденным воином, и вид победной битвы восхищал его. Он видел, как торпедные катера, проходя мимо, ставили плотные белые дымовые завесы, как вокруг рвались снаряды, как вздыбленная вода, освещенная первыми багровыми лучами восходящего солнца, рассыпалась радужным веером.

— Хорошо идем! Хорошо воюем! — говорил он. — Трусливые фашисты боятся нас. Значит, победа за нами!

Вскоре противник стянул к Керченскому проливу большое количество торпедных катеров и быстроходных десантных барж, которые имели крупнокалибер-

ную артиллерию и скорострельные пушки и действовали как плавучие батареи.

В проливе завязывались тяжелые морские бои. Переброска подкреплений десантникам еще более осложнилась. В течение двух суток ни один сейнер, ни один бронекатер не мог пробиться к Эльтигену. У десантников кончился боезапас, не хватало хлеба, медикаментов. К героическим бойцам во что бы то ни стало нужно было прорваться на помощь. Это ответственное дело было поручено Глухову.

Глава двенадцатая

ПОСЛЕДНЯЯ АТАКА

Дмитрий Андреевич готовился в седьмой раз идти на катере 081 на Керченский берег, когда к нему прибежал рассыльный из штаба.

— Вас вызывает адмирал!

Приказание нужно было выполнять немедленно. И, обратившись к командиру катера, Глухов отдал последнее распоряжение:

— Пойдете без меня! Учтите, что подавляющее большинство людей вашего катера заслужило награды. По возвращении с того берега представьте к правительственной награде боцмана старшину 1 статьи Соковнина, старшину 1 статьи Кобец, командира носового орудия старшину 2 статьи Никитина, сигнальщика Баркова, мотористов Козлова, Хаблова и Паныш. Остальных — по вашему усмотрению.

У адмирала беседа была короткой: катера две ночи не могли прорваться к Эльтигену. Нужен был опытный, смелый командир, способный преодолеть

любые препятствия и повести за собой бойцов на самоотверженный подвиг.

— Таким командиром мы считаем вас, Дмитрий Андреевич! — закончил адмирал свою беседу.

— Служу Советскому Союзу! — ответил Глухов и встал. Он был горд высоким доверием командования и готов немедленно идти в атаку.

— Берите дежурный «МО-0102», — сказал начальник штаба, — и на подмогу бронекатер. Больше ничего не дам. Конечно, не легко будет, но больше пока ничего нет...

— Есть!

Стоял тихий вечер. Глухов шел из штаба и думал о предстоящей операции. Нелегкое это было задание. Но вера в победу не покидала его ни на минуту.

А вот и катера, на которых надо идти в море...

Дежурный «МО» и бронекатер должны были лишь обеспечить переброску мотоботов и сейнеров к Эльтигену, защищать их от «бродячих» вражеских катеров и плавучих батарей.

Рядом стояли мотоботы и сейнеры с людьми, готовые идти в море.

Глухов был рад такой оперативности командиров. Собрав весь личный состав, он обратился к ним с призывом отлично провести порученную операцию.

— Сегодня от нас зависит успех битвы за Крым. Мы должны пробиться к Эльтигену любой ценой. Пусть каждый поймет это и сделает все, что может.

Комдив прекрасно знал, что люди этого катера не дрогнут, не уйдут от опасности. Час назад они вернулись с переправы, где выдержали напряженный

бой и вышли победителями. У кормовой пушки погиб любимец катерников, весельчак, наводчик Ануфриев; сердца матросов горели мстостью.

— Уверен, что мы с вами выполним задачу. Обратным курсом может идти только победитель.

...В темноте снимались корабли и тихо выходили в пролив.

Ветер, изменивший направление, гнал в пролив воду с Черного моря. Мертвая зыбь раскачивала катера.

— Вот хорошо! — заметил кто-то из матросов. — Повоюем на черноморской волне...

Пристроившись в кильватерную колонну, катера легли на курс к Малой (Крымской) земле, как в ту пору называли огненный Эльтиген. В голове колонны шел Глухов. Вскоре тучи рассеялись, и чистая луна осветила морские просторы.

Добрую половину пути прошли благополучно. А на середине пролива вдруг увидели на горизонте очертания вражеских самоходных барж и катеров. Корабли противника шли сомкнутым строем.

— Атаковать! — приказал Глухов.

Морской охотник и бронекатер вырвались вперед и пошли в дерзкую атаку. Немцы, видя вдали около двух десятков силуэтов, решили, что на них нападали большие силы. Отстреливаясь, они поспешили скрыться в темноте.

Вскоре они вновь показались. На этот раз против отряда Глухова выступило 10 торпедных катеров и две самоходные баржи. Но черноморцы не дрогнули. Глухов опять пошел в атаку.

Метким огнем была потоплена одна из барж противника. Она взорвалась и затонула. Крики и стоны

тонувших фашистов долго оглашали ночной воздух. Остальные корабли противника отступили.

— Все идет как по-писаному!.. — пошутил Глухов.

Тем временем мотоботы и сейнеры уже подходили к берегу и начинали высадку. Задача состояла в том, чтобы не позволить торпедным катерам противника прорваться к берегу и сорвать выгрузку наших сейнеров.

— Ждите новой атаки!.. — сказал Глухов.

Он не ошибся. Через несколько минут фашисты лавиной бросились на советские катера, и вновь завязался ожесточенный бой. Глуховские два катера отважно контратаковали противника и третий раз заставили его отступить.

Но враги, видимо, уже разобрались, что им противостоят всего два катера, и со всей силой начали четвертую атаку.

Глухов вступил в бой. Иначе он поступить не мог, так как каравану сейнеров и мотоботов угрожала смертельная опасность, а значит и гибель всему эльтигенскому десанту.

Бой разгорелся не на жизнь, а на смерть. Снаряды и пули сыпались непрерывно. Советские катера не отступали. Маневрируя, они непрерывно контратаковали корабли противника, усиливали огонь. Вот вспыхнул торпедный катер и закружился на месте. Фашисты с остервенением били из пушек и пулеметов. Советские катерники отвечали им дружным огнем, небывалым по темпу. Несколько десятков снарядов из двух пушек пробили корпус вражеской баржи. Она загорелась. Языки пламени охватили палубу. Рядом с тонущим торпедным катером начала тонуть баржа.

Один из торпедных катеров противника начал ставить дымовую завесу, прикрывая отход своих сил.

Дмитрий Андреевич радостно вскрикнул:

— Победа! Наша взяла!

В этот момент два вражеских снаряда попали в катер Глухова. Один из них пробил радиорубку и насмерть сразил радиста Дроздова. Другой, разорвавшись, тяжело ранил Глухова. Осколок пробил фуражку, врезался в голову комдива. Кровь залила лицо, но Глухов, преодолевая боль; держался на ногах, как бы не видя и не сознавая смертельной раны. Он самоотверженно продолжал руководить боем.

Вдруг комдив замолчал и свалился на палубу. Катер остановился, потеряв ход. Вокруг стало тихо, словно никогда не было этого чудовищного поединка.

Командир отделения комендоров Киселев, увидев, что Глухов ранен, бросился к нему на помощь. Перевязывая голову простыней, проверил пульс. Сердце еще билось. Тогда он уложил комдива возле светового люка средней машины и укрыл тулупом.

— Выполнять приказ командира! — крикнул кто-то в темноте.

И катер, грозный, с поднятыми кверху стволами пушек; пулеметов, автоматов, снова пошел на гитлеровцев.

Комендоры били по барже в упор из орудий, не обращая внимания на пули.

Напряжение личного состава, казалось, достигло предела. Наводчик носового орудия Матыленко и замочный Данилин словно срослись с пушкой. Они беспрерывно стреляли, хотя оба были тяжело ранены.

С Таманского берега все подходили и подходили сейнеры, выгружая боезапас. Проход к Эльтигену

был открыт. Операция блестяще удалась. Но противник все еще не унимался. Тогда катер Глухова еще раз навязал бой вражеским кораблям.

Приняв из сейнера боезапас, катер в 5 часов 10 минут утра снова пошел в атаку. Смертельно раненый комдив уже ничего не видел и не сознавал...

Разъяренные гневом советские моряки решили отомстить за погибших товарищей, за раны командира. С удесятеренной силой они бросились на врага и за короткое время потопили еще одну самоходную баржу и тральщик. В это время прямым попаданием снаряда разрушило машинное отделение. Погибли мотористы и комендоры. Восемь человек из экипажа было убито и семь тяжело ранено. В живых осталось всего семь человек. Катер был весь изрешечен пулями и снарядами. Он потерял ход. И ветром его медленно дрейфовало в сторону Таманского берега.

Подбитый корабль не мог уже противостоять врагу. Этим воспользовался торпедный катер противника и бросился в атаку, но, встретив решительный контрудар бронекатера, круто отвернул и скрылся...

...Бой стих. Глуховский «морской охотник» не мог уже двигаться и беспомощно покачивался на морской волне. В предсмертном порыве израненный моторист Махно заделывал пробойну бензопровода. Силы и жизнь покидали отважного воина. Он умер с протянутыми вперед руками, в которых держал резину для заделки трубопровода.

На руле с перебитыми ногами остался старшина I статьи Брусов, а возле пушки со снарядом в руках сидел матрос Климовский. Вражеский снаряд попал в прицел, когда Климовский наводил. Прицел разне-

сло вдребезги, а Климовский с залитыми кровью глазами пытался стрелять. Но пушка вышла из строя и стрелять не могла.

...Был на Черноморском флоте корабль, история которого слишком коротка, чтобы ее рассказывать. Да и корабль невелик, даже мачты не имел. А корабль без мачты, известно, — не корабль. Но все же он существовал, этот корабль, и слава о нем шла громкая, удалая. Это был мотобот № 1.

Он первым и подошел к катеру Глухова, чтобы отбуксировать его к родным берегам. Не всегда же «морские охотники» должны буксировать мотоботы...

— Давайте раненых!.. — повелительно заявил старшина мотобота.

— А вы сами дойдете до берега?.. — спросили катерники.

— Дойдем! — уверенно заявил старшина.

Ему передали раненых матросов, но Глухова не решились пересаживать: он был без сознания.

Старшина мотобота не отходил от катера.

— Давайте я вас на буксир возьму, — неожиданно предложил он.

Ему передали буксирные концы. Мотоботчик закрепил их на корме и включил мотор на полную мощность. Сначала мотобот начал рыскать на привязи в разные стороны, а затем, как-то странно дергаясь; сдвинул «морской охотник» и медленно поволок его к таманским берегам.

Позже подошла шхуна и отвела катер в Тамань, где был полевой госпиталь. Глухова бережно уложили на носилки и унесли с корабля...

...На Матросском бульваре в Севастополе есть памятник знаменитому моряку русского флота капи-

тан-лейтенанту Казарскому. Отважный воин не спустил флага перед напавшими на него двумя турецкими линейными кораблями, а смело вступил в бой и победил. На памятнике высечены мудрые слова: «Потомству в пример». Глухов очень любил этот простой незатейливый памятник и часто бывал возле него.

Он любил Севастополь, любил его красивые улицы и парки. Душой и сердцем принимал он славные героические традиции бессмертных защитников Севастополя и нередко говорил друзьям:

— Пройдет время, и мы прославим нашу Родину.

И время пришло. Подвиги, совершенные Глуховым, превосходят самые славные дела наших отцов — черноморских моряков. И поистине его жизнь, его дела, его подвиги можно поставить потомству в пример.

...Ноябрьский норд-ост неистово взревел в тот же день, когда Глухова снесли в госпиталь. Вся природа словно бы печалилась о нем. Два дня шел дождь, а бушующее море было седым от пены.

Глухов не приходил в сознание. Он лежал тихо, как бы прислушиваясь к шуму моря. На обветренном лице резко выделялись светлые брови. Казалось, что Дмитрий Андреевич прилег отдохнуть, что он сейчас поднимется и вновь поведет катера в сражение.

Но жизнь оставляла отважного моряка.

У постели Глухова бессменно дежурили медицинские сестры. Они строго выполняли предписания врача: никого не пропускали в палату. Но люди шли и шли.

Через каждые четыре часа у дверей госпиталя появлялась делегация моряков глуховского дивизиона. Матросы умоляли врачей показать Дмитрия Андреевича.

— ...Только бы взглянуть!..

— Нельзя. — Врач был непреклонен.

— А как здоровье его? — спрашивали катерники.

— Жив... — уклончиво отвечал врач.

Раненые армейцы, не знавшие ничего о Глухове, расспрашивали дежурную сестру.

— Кто он? Генерал? Командующий? Почему так много к нему людей приходит?..

— Его весь флот знает. Он — черноморский герой, — отвечала сестра. И она рассказывала раненым бойцам все, что знала о славных подвигах Глухова.

...На третий день шторм утих. Глухов открыл глаза и молча оглядел палату, не понимая, где он и что с ним.

Одним движением губ попросил пить.

— Дмитрий Андреевич!.. — прошептала сестра.— Очнулись?

Глухов не ответил. Сестра влажной ваткой смочила запекшиеся губы. Всем показалось, что кризис миновал, что скоро наступит перелом к лучшему. Глаза Глухова оживились. Он хотел что-то сказать, но слов не получалось: губы едва шевелились. Вдруг он жестом попросил сестру приподнять его. Лицо его нахмурилось, он всем телом повернулся в сторону моря. Руки его судорожно сжались.

...Последняя секунда жизни. В это мгновение он прощался с морем, с родным флотом, с детьми, женой и друзьями.

Руки разжались, и Глухов безжизненно откинулся на подушку...

Друзья перенесли тело героя к морю и положили на подвесную матросскую койку у небольшого деревянного домика. Здесь каждый катерник мог попрощаться с любимым командиром, отстоять последнюю прощальную вахту.

А в море рвались снаряды. Ветер вместе с солеными брызгами прибоя доносил гул морского сражения.

На крымском берегу в атаку шли матросы. Гудела и дрожала земля. Гудел и дрожал воздух. Казалось, что в такт залпам качается подвесная парусиновая койка с телом мужественного воина — советского морского офицера, чье сердце до конца билось для Родины.

Дмитрий Глухов умер. Всю свою прекрасную, светлую жизнь он отдал великому советскому народу.

Родина не забыла его выдающихся заслуг, его беспримерного мужества, отваги и геройства. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил Дмитрию Андреевичу Глухову звание Героя Советского Союза.

...Весной 1944 года, когда крымская земля уже была освобождена от ига гитлеровских захватчиков, когда катера глуховского дивизиона готовились идти на запад освобождать Констанцу, Бургас, Варну, в семью погибшего героя пришло письмо с большим пакетом:

*«Глуховой Екатерине Ивановне.
По сообщению военного командования,
Ваш муж капитан 3 ранга Глухов Дмитрий*

Андреевич в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых.

За героический подвиг, совершенный Вашим мужем Дмитрием Андреевичем Глуховым при форсировании Керченского пролива, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 22 января 1944 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему мужу звания Героя Советского Союза для хранения как память о муже-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом.

**Председатель Президиума
Верховного Совета СССР**

М. КАЛИНИН».

Екатерина Ивановна долго сидела, склонившись над письмом. Она помнила слова мужа, сказанные при расставании: «Воспитай детей честными...» И мысленно она давала клятву ему, Мите, что сделает все, чтоб вырастить их достойными своего отца.

Письмо Екатерина Ивановна хранит, как самую дорогую реликвию. Оно волнует не только ее, но и каждого советского человека, ибо в нем просто и ясно выражена высшая оценка деятельности воина-патриота, отдавшего жизнь свою за нашу социалистическую Отчизну.

...Проходят годы. Забываются мелкие события, детали боев. Стираются в памяти даже тяжелые, кровавые бои, так же как забываются залеченные раны.

Но никогда не забудутся подвиги человека, который всю свою жизнь без остатка посвятил Отчизне и прожил ее, вписав героическую страницу в книгу славы родной страны.

В обновленном Севастополе моряки часто ходят в музей Черноморского флота, где в специальной витрине, посвященной Дмитрию Андреевичу Глухову, экспонированы его личные вещи, ордена, медали, оружие.

Эти священные реликвии с любовью осматривают молодые моряки. В их глазах нетрудно прочесть глубокое уважение к памяти героя и высокое чувство гордости за нашу Советскую отчизну, воспитавшую такого отважного воина и патриота.

